

Для Семина

ХОЗЯЙКА БРОДЯЧЕГО ЦИРКА

Дия Сёмина
Хозяйка бродячего цирка
Серия «Бытовое фэнтези.
Отдельные книги», книга 2

<https://litres.ru/74079038>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она готова терпеть унижения и издевательства, отказаться от всего, лишь бы вырваться из кочевой жизни цирка и доказать своё право на титул баронессы. Но теперь в её теле я, и вынуждена исправлять ужасные ошибки.

Цирк на грани разорения, с приёмным сыном моего родного отца – жестокая война за наследство.

Допустим, я знаю, как спасти цирк, тем более у меня есть шикарный силач и отличные идеи, но что делать с внезапно открывшимся магическим даром?

Сделаю шоу, о котором долго не забудут. Вот только за такое представление мне грозит нешуточное обвинение в колдовстве.

Альтернативная Россия, приключения, любовь и другие неприятности, детективная линия, немного магии, красивые иллюстрации, всё для вас, дорогие читатели!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	15
Глава 3. Профсоюз? Фокусов не будет!	26
Глава 4. Отставка жениху	37
Глава 5. Новые подробности	47
Глава 6. Новые обстоятельства и лица	59
Глава 7. Преображение силача	69
Глава 8. Продать нельзя оставить!	81
Глава 9. Откровенный разговор	93
Глава 10. Гвоздь программы	104
Глава 11. Кремень	115
Глава 12. Баронесса?	123
Глава 13. Водоворот событий	135
Глава 14. Невиданное шоу	147
Г	152
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Хозяйка бродячего цирка

Глава 1.

— Живая! За лекарем бегите! Уф, как она, а! С высоты-то, только же крутилась на трапеции и бум, лежит! Мы же не виноваты? Она сама? — писклявый голосок вырвал меня из тьмы, и сразу в нос ударил неприятный запах. Даже не открывая глаз, чувствую над собой толпу зевак. И в тот же миг нестерпимая боль пронзила ногу, а потом и всё тело.

Открываю глаза, и от ужаса на волю вырывается громкий вопль, напоминающий вой пожарной сирены.

Ору я звонко!

Надо мной склонились двое, с одной стороны, детское личико с огромными глазищами, раскрашенное в немыслимый макияж, но сморщенное, как мочёное яблочко. Но и это ещё не самое страшное.

С другой стороны, худший кошмар моих снов: «КЛОУН», с рыжей, съехавшей набок шевелюрой, смазанным гримом и огромным красным носом.

Я оказалась в психушке?

Но как? Когда успела?

— Отпустите меня, я нормальная, не дурочка, вы ненастоящие, ведь нет... Это сон! Это сон!

Сама не поняла, почему пролепетала сквозь стон нелепую

фразу, заставив клоуна вздрогнуть и упасть передо мной на колени.

— Адель! Это же я! Пе-Пе! Петя, твой лучший друг, Адель...

Я забыла о боли, попыталась приподняться, но Пе-Пе осторожно придержал резкий порыв.

— Отпустите, я вас не знаю... Я никому ничего не скажу, честное слово, это ошибка, мне надо на работу...

— Это же я! Лола! Адель! Ты свалилась из-под купола, трапедия оборвалась...

Абсурд и шок. Если бы не боль в ноге, я бы подумала, что это дурной сон, пугающие незнакомцы переглянулись, явно они о чём-то договорились. У меня редкая группа крови. Я написала разрешение на трансплантацию при несчастном случае...

Они меня украли!

— Господа, разойдитесь! Лекарь! — громкий голос заставил Пе-Пе и Лолу отойти, теперь надо мной наклонился мужик с такими усищами, что и Бармалей позавидует.

Я сошла с ума, не помню, как, но это точно дурдом.

— Госпожа, сейчас будет немного больно, я поправлю ногу, позже наложим лонгет. Осмотрю вас в кибитке.

Он предупредить-то предупредил, но его руки как клешни вцепились в мою ноющую лодыжку, и я снова хриплым воплем оповестила всю округу, что терпеть издевательства не намерена, и мгновенно отключилась.

— А-ах!

— Очнулась, красавица, ну, прости! Зато всё уже сделано! Я не люблю, когда мои больные страдают. Эфиром бы усыпил, да ты сама... Но я позволил себе успокоительных капель не пожалеть, какое-то время они помогут от боли, да и от шока, а завтра загляну ещё.

Открыла глаза и обнаружила себя в каком-то тесном чулане, надо мной снова Бармалей, и теперь уже он поглаживает меня по руке, пытаясь загладить вину за причинённые неудобства, как ему кажется.

— Что вообще происходит? Где я? Что это за сарай такой?

— Вот так номер, я боялся, что вы сейчас, сударыня, начнёте рыдать из-за травмы, что более не сможете под куполом вашего цирка крутить потрясающие номера. А вы, значит, шире лиха хватили. В беспамятство ударились. Так-с проверим рефлексy. Голова? Тошнота? Сколько пальцев я вам показываю.

— Три! Меня тошнит от этой непонятной ситуации, от горечи на языке, от боли и от того, что все называют меня...

И в этот момент прикусываю губу.

Если это похищение или отбор на путёвку в психушку, то любое слово, отрицание или истерика ускорят мою трагическую эпопею, они явно что-то эдакое задумали. Ведь я не Адель, и никогда не падала из-под купола цирка. Я Алевтина Антонова, работаю в огромном торговом комплексе, и сегодня у нас какое-то огромное мероприятие, и у меня завтра начинается долгожданный отпуск, едем с мужем в Турцию, кажется... или в Сочи? А у меня точно есть муж?

— Как она? Очухается или совсем того? — где-то в углу притаилась маленькая Лола и теперь подала голосок, снова напугав меня.

— Ушиблась головой, но в целом всё нормально. Только нога сломана, больше трюки мадемуазель Адель крутить не сможет, увy.

— Адель, ты всё забыла? А как же мы? Дядя твой распрекрасный сбежал со всей выручкой и мамзельку фокусника

прихватил, тому и пилить некого, мы банкроты, нет денег заплатить пошлину и залог. Ты же сказала, что есть план. А теперь, выходит, что нет? Нас разгонят? Зачем ты вообще полезла сегодня на эту чёртову репетицию? Вечно пытаешься всем что-то доказать! Алмазов сейчас придёт, и нам конец!

Лола всхлипнула, и лекарь на неё прицыкнул:

— Не видите? Она не в себе, дайте ей отдохнуть. Потом, всё дела потом.

— У нас нет потом, даже вам заплатить нечем, — отрезала Лола и вышла, хлопнув дверью.

Бармалей лишь пожал плечами, и как-то виновато оправдался:

— Да я и не требую. Понимаю, бывают в жизни обстоятельства. Вы поразили меня своим выступлением, смелостью. Уж такие сальто крутить изволили, что и подумать страшно. Я искренне сожалею, что с вами произошёл несчастный случай. Но не спешите отчаиваться, судьба иногда выкидывает фортели, да такие.

Он не успел сказать, на какие фортели судьбы я смею рассчитывать, на улице раздались громкие возгласы, перешедшие в откровенную ругань. Тот клоун, что назвал себя Пе-Пе, стоит на страже и не пускает кого-то слишком настойчивого.

Но «гость» что-то такое убедительное рявкнул, и скрипучая дверь в кибитку открылась.

— Адель! Вы зря решились на саботаж, я всё равно заберу

и вас, и то, что осталось от вашего убогого цирка, отсрочки не будет! Я выкуплю ваши долги, так и знайте!

В темноте захламлённой комнаты я не сразу разглядела посетителя. Но он сделал несколько шагов и уставился на меня.

А я на него.

— Простите, а вы, собственно, кто такой? Какой такой саботаж?

В глазах перестало рябить, смотрю на странно одетого молодого мужчину, но тут все странные. Этот всё же без грима и костюм элегантен, только лица не вижу, какая-то розовая тряпка свисает с потолка и закрывает от меня «незваного гостя».

— Что с ней? Нога? Она выступать сможет? — мой вопрос спущен в игнор. Незнакомец присел на пуфик и уставился на мою ногу.

— Нога, кажется, сломана, но перелом закрытый, скорее трещина, не могу точно сказать. Боюсь, что и головой повредилась, координация, скорее всего, пострадала. Иными словами, карьера «Воздушной феи» для мадемуазель Адель, канула в Лету.

Не обращая внимания на меня и мои чувства, доктор без обиняков выдал свой неутешительный вердикт.

«Уф, какое счастье, больно надо, висеть под куполом, я вообще высоты панически боюсь!» — подумала и улыбнулась, довольная, что от меня вроде как все должны отстать и

про психушку речи нет.

— Сколько вам заплатить за лечение? — неожиданно спросил гость.

Лекарь назвал сумму, получил вознаграждение, это с меня он не хотел брать деньги, а с этого господина не побрезговал. Вздыхнул и вышел.

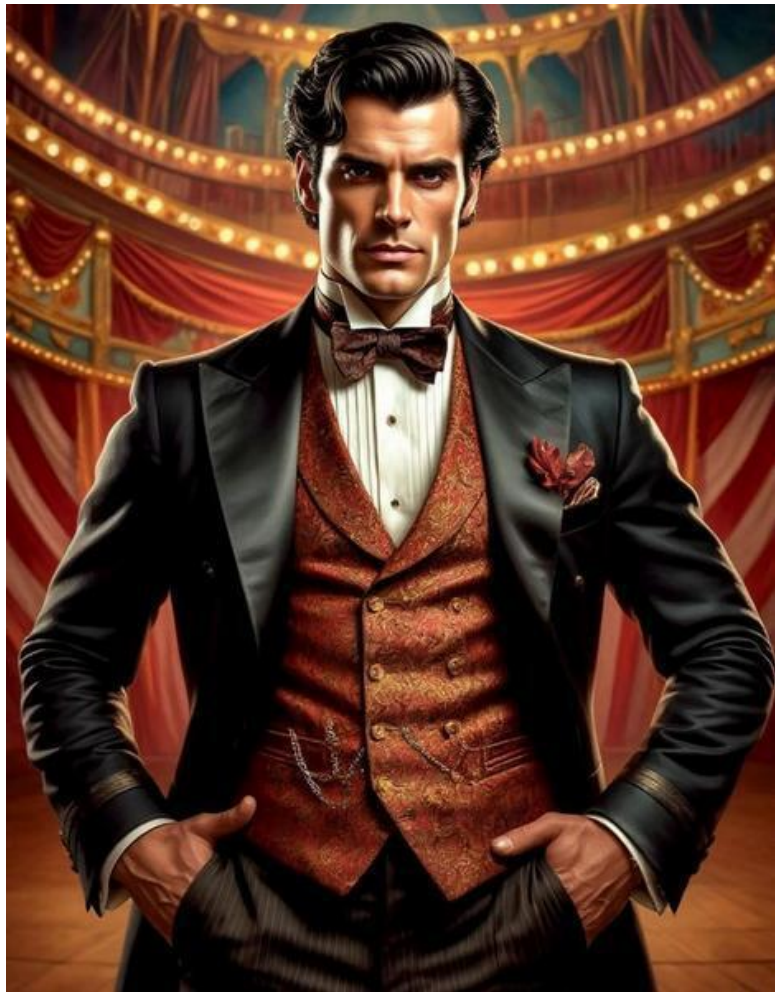
— Ну-с! Госпожа Адель Андреевна Попова, вот мы и одни. Извольте объясниться, вы это специально? Чтобы не переходить в мой цирк, и чтобы я потерял интерес к вашему хламу, отстал от вас?

— Простите, вообще ничего не понимаю.

Он, не скрывая недовольства, резко перешёл на ты, подался вперёд и в лучших традициях злодейской сценки выдал:

— Не прикидывайся дурочкой, ты умна как чёрт, всё просчитала, кроме одного, нога сломана. И теперь ваш цирк остался без звезды, ведь они все приходили посмотреть на тебя, в короткой юбочке, на твою точёную фигуру и ножки, где ещё обыватель мужского пола в провинции сможет насладиться женской красотой.

У меня от бешенства даже нога ныть перестала. Наконец, вижу его красивое, холёное лицо, эдакий гранд со страниц романов Фицджеральда.

— Вы что себе позволяете! Я по вашим рассказам чуть не голая выступала? — вскрикнула и замолчала, а потом улыбнулась и сладеньким голосом добавила. — Так или иначе, я в трагических обстоятельствах. Вам должно быть стыдно, так говорить. Но, думаю, что и после цирковой карьеры существует жизнь, вот я ей и займусь. Чуть позже, когда приду в себя, тогда и поговорим о делах. Не особо держусь за то, что вы назвали хламом.

— Без тебя, этот хлам и мне не нужен, троих твоих лучших я перекуплю: иллюзиониста, силача и, возможно, клоуна. Остальные пойдут странствовать по ярмаркам, как цыгане, и голодать. А ты, для светского общества – падшая женщина. Щеголяла перед публикой в облегающем трико. Тебя не примут! Циркачей даже на кладбище не хоронят. Если опомнишься, одумаешься, возьму тебя билетёршей в кассу, ну, может быть, заменишь Лолу с голубями. Через неделю мой цирк переезжает в столицу на сезон. Сейчас всё спишу на шок после падения, но через несколько дней пощады от меня не жди.

Ничего не понимаю, это он меня шантажирует или угрожает?

— Странно только одно, почему такой успешный человек интересуется такими неудачниками, как мы? Или у вас тоже есть проблемы?

— Только одна, и, кажется, она сама только что решилась, без тебя – этот цирк – пустое место, а я победил, у меня боль-

ше нет конкурентов.

— Это не моя война, и я ничего не помню, однако, безумно любопытно, почему это вы оказались в моём шатре, сразу после падения. Уж не ваших ли это рук дело – обрыв трапеции или как её там называют?

— С ума сошла?

Незнакомец покраснел, вспыхнул гневом аж искры из глаз, из ушей пар, как чайник, того и гляди крышечку сорвёт. Резко встал, звонко стукнувшись о верхнюю балку, забыл, что это фургон, и потолки здесь невысокие, жаль, что мало.

— Может, и сошла, но точно не люблю, когда меня вот так прессуют. На дверь показывать не буду, а ваши искры из глаз, прекрасно освещают дорогу, а если коротко, пошёл вон, угрожать мне тут будет! Сам ты падший, понял! И до кладбища мне ещё далеко, не дождёшься!

Сама не поняла, с чего так накинулась, на красавчика, но видать есть за что.

Как он вскинул руку и прокричал, видать припекло. Моё падение для него триумф?

— Завтра же придут к тебе за пошлиной, останешься без труппы и без шатра приползёшь и попросишься, а я ещё посмотрю, как молить будешь, чтобы я принял тебя из жалости за еду билетики продавать. Ты никому не нужна, красоты твоей хватит лет на пять, а потом милостыню с Лолой на пару просить пойдёте. Хромоногая эквилибристика из нищего цирка. Всё, закончилась твоя феерия, началась моя эпоха.

Цирк Эдуарда Алмазова прогремит на всю Россию матушку! А я ещё жениться думал на тебе, но вот так растоптать и забыть оказалось приятней. Счастливо оставаться, жди завтра кредиторов, голубушка, довыёживалась, строила из себя принцессу, вот теперь хлебнёшь лиха!

— Вам так обидно, что я отказала? Готовы радоваться, моей беде, видать не такая я дура была, раз отшила такого завидного жениха, идите, а то даже смотреть на вас тошно.

— Да, пойду, заберу оставшихся у тебя артистов и потом с наслаждением понаблюдаю, как тонет твой шикарный в прошлом цирк! — прошипел как змей перед факиром и вышел, хлопнув дверью, исполнять свои угрозы.

Глава 2.

Дверь с грохотом захлопнулась, а фургон застонал, закрипел и вздрогнул, хорошо, что не развалился.

Бог с ним, с фургоном.

Кто мне объяснит, что вообще происходит?

Вчера. Так, что я помню?

Работу!

Я третий менеджер в отделе рекламы огромного торгового центра, ничего такого особенного, ни спасатель, ни артистка, ни воспитатель в детском саду, работа непыльная, временами даже не нервная, своим же арендаторам продаём рекламные площади, мероприятия всевозможные помогаем провести, аудиорекламу делаем. Должность вполне стильная, зарплата нормальная. И я не грешница, и дорогу никому не переходила, чтобы меня вот так, куда-то впихнуть в непонятное место, отдалённо напоминающее психбольницу. Причём, судя по всему, окружающие-то воспринимают себя вполне адекватными, это я, по их мнению, не в себе.

За деревянными стенами фургона слышались голоса, замираю, в ожидании, что ко мне снова кто-то вломится без стука. Но люди прошли мимо, и разговор у них о лошадях, об отмене выступления и ещё о чём-то совершенно не вписывающемся в мою картину мира.

С огромным трудом приподнялась на локтях и посмотре-

лась.

Не знаю, как обычно выглядят гримёрки, но, судя по всему, это три в одном и гримёрка, и жилая комнатка площадью от силы шести метров квадратных, и костюмерная. Всё аутентичное, на декорации не похоже.

Осмотрелась и ощутила очень неприятную эмоцию, я словно надела после кого-то старое, ношеное платье, причём нестираное, и не только платье, но и вообще всё. Это как шоу, когда женщины на какое-то время менялись семьями, домами и почти жизнью.

А я, судя по тому, что вижу, то и вот это тело, лежащее на маленькой кровати, и задорно шевелящее пальчиками на здоровой ноге – тоже моё? Это же я пошевелила пальцами.

Это не розыгрыш!

Это не психбольница и не биполярка, боль, доктор, и коммуникация между незнакомцами слишком уж реалистичная. У меня не настолько гениальный разум, чтобы напридумывать во сне эдакий театр абсурда.

Тогда что это за место? Почему именно мне «посчастливилось» здесь оказаться?

Одни вопросы, и нет ответов. Про те «пугалки», какими этот напмаженный персонаж Фицджеральда меня запугивал, даже не хочу думать. Меня это всё не касается. На мне, надеюсь, клейма нет, что я из цирка, в этом городе не примут, есть и другие города. При условии, что я завтра не очнусь где-то ещё или в своей постели.

Кто-то тихо постучал в дверь, и я решила, что это снова Лола, потому даже не прикрылась, крикнула, входите, как раз хочу пить, будет кого попросить об одолжении.

Дверь открылась и на пороге возник огромный мужик, если он сделает хоть один шаг, то пол в фургоне с треском провалится. Но он оказался довольно грациозным, несмотря на свою шикарную атлетическую фигуру. Как и все, кого я сегодня успела увидеть, он не отличается холемостью, плохо выбрит, густые чёрные волосы неприятно напояжены, но без укладки, обычный мужик. Но что-то в нём есть ещё, кроме силы, черты лица правильные и серые глаза... Если ему при-
дать немного лоска.

Я на него уставилась и смутила.

— Адель!

— Да-а-а?

— Меня не было утром, когда вернулся, узнал о трагедии.

Как так?

— Что, как так? Как я упала? Понятия не имею, может, жить надоело, но подозреваю, что это какие-то недруги решили убрать меня. Напомни, вот тот мужчина, что желает у нас всё отобрать, кто такой, с чего это он решил меня уничтожить? И, кстати, как тебя зовут? Ударилась, амнезия и всё такое...

Атлет замер в нерешительности, так на меня посмотрел, словно я ему что-то должна, и только что объявила, что сама себе долг прощаю. По сути, наверное, так и есть.

— Я Григорий, силач, Григорий Силантьев, а тот, кто тебя уже третью неделю домогается, — Эдуард Алмазов, импресарио, богатенький мещанин, сколотил крепкую труппу и заставляет артистов батрачить по пять представлений в неделю. Мы его первые конкуренты, и, кажется, он победил.

Я невольно поморщилась. Фамилия явно ненастоящая, он вообще весь фальшивый, этот Эдик Алмазов.

— Он сказал, что выкупит наш цирк, это правда? Наши дела настолько плохи? А ты силач, он сказал, что тебя хочет забрать.

Григорий смутился, осторожно опустился на сундук при входе, вытянул ногу вдоль прохода и так посмотрел, что ста-

ло как-то нехорошо, словно я предательница.

— Он уже предложил мне и фокуснику жалование, вполне достойное. Я бы пошёл, но только с тобой.

— В смысле? Мы с тобой что, пара? — не успеваю подумать и ляпаю вопрос, от которого бедный силач растерял остаток сил. Ему бы сейчас взять и сказать, что мы пара, и я бы даже поверила, а что, мужчина очень крепкий, если бы не эти усищи, торчащие в разные стороны, как старая обувная щётка, то и вообще красавец, но здесь все с усами, на этот нелепый недостаток можно закрыть глаза, зато всё остальное...

— Я бы вас, тебя на руках носил, но ты птица иного полёта, а я мужик, и у меня судимость имеется, так что иллюзий не питаю, я к тебе с душой, а ты на меня шипишь, вот такая у нас пара, но...

— Хорошо, остановимся на этом. А судимость, дай угадаю, кому-то врезал и жаль, что мало? Так?

— Ага! — Гриша очень заразительно улыбнулся, так искренне, что я невольно поддалась его настроению. Или это волшебные лекарства лекаря добавили эйфории. Но я вообще ничего не понимаю, а всем от меня чего-то нужно. Единственное, чего я хочу, это вернуться домой, и не привязываться к местным?

— И почему ты ещё здесь, не решился? Хотя нет, я никто и не имею права даже спрашивать о ваших решениях. Если вас всех всё устраивает, то я не против, хорошая плата и на-

дѣжный наниматель, наверное, редкость.

— И ты бы не обиделась?

— А ты кто? Раб? Ты мне чем-то обязан? Алмазов же сказал, что я теперь вне игры, аутсайдер, уже всё проиграла, теперь ждать, когда заживёт нога, и искать работу, наверное, в лавке продавщицей. Если вы устроитесь, то я только порауюсь за вас.

— Но мы не все устроимся, некоторые останутся не у дел.

— Я понимаю, но пока совершенно ничего не могу сказать, головой ударилась, кое-что помню, но увы, не всё. Так что пользуйся моментом и переходи к этому Алмазову.

— Но я не хочу, ты моя семья, Лола, Пе-Пе, фокусник и тот задумался, или ты нас прогоняешь? Хочешь ему продать то, что осталось и как наш Леопольд, что б ему пусто было, сбежать в Париж?

— А Леопольд — это кто? Подлый трус?

— Дядя твой, трус не трус, но подлец изрядный, забрал с собой новенькую бабу фокусника, которую тот должен пилить во время представления, и был таков. Со всей выручкой за месяц, накануне оплаты пошлины, нас теперь и городская управа не выпустит, пока долг не закроем.

Захотелось рассмеяться, потому что в сознании нарисовалась картинка какого-то там кота Леопольда и у него «баба», распиленная пополам. Но ситуация не слишком весёлая. Моя мысль о свободе выбора, кажется, накрылась медным тазом, раз я осталась за главную, то с меня и спрос за пошли-

ну. Знать бы её размер.

— А мы сколько должны?

— Пятьсот рублей, это очень много!

— Григорий, а для примера. Вот этот фургон сколько стоит?

— Сто пятьдесят рублей, а билет в цирк стоит пятьдесят копеек. Вот и считай, примерно недельный наш доход, при полной загрузке, а у нас уже давно нет и половины зала. Так что...

— Первое, Григорий, ты очень умный. Смотрю на тебя и поражаюсь, насколько ты красив телом и как прозорлив в коммерции. Второе, если пятьсот рублей — это наш идеальный доход на неделю, то возможно не всё так плохо, нужно просто...

Не успела я закончить фразу, как силач буквально как кот, метнулся к постели, втиснулся в узкий проём, взял мою руку и прошептал: «Адель, никогда мне женщина не говорила таких слов, никогда, я для тебя горы сверну, не пойду в труппу Алмазова. Если пойдёшь в лавку продавщицей, я туда грузчиком, но только с тобой, главное, не делай глупостей, пожалуйста».

— Милый, ты в меня влюблён? Тише, тише, нам тут хватит сломанной ноги, обойдёмся без разбитых сердец. Правда, я не в себе, говорю то, что вижу, у меня шок, у тебя видимо, страх за меня. Я сказала о тебе, как есть, как чувствую. Без всякой задней и потаённой мысли удержать тебя рядом.

Не смей ради меня делать широкие жесты. Понятно?

— Нет! Непонятно. Хочешь, я могу тебя отнести в нужник, или в нашу столовую, или сюда принесу еду. Я для тебя теперь всё сделаю.

Вдруг из-за двери послышался язвительный голос Лолы:

— Подхалим! На руках он её будет носить, как же! Воркуют они как голубки, тьфу, противно. Тут жизни рушатся! А они амурные шуры-муры. Хоть бы фокусника выбрала, там хоть мужчина, а этот, каторжник! Силы много, а в штанах поди с гулькин нос, недаром у него бабы нет!

Нога болит, но я почему-то не выдерживаю и начинаю смеяться в голос.

Этот цирк и без представлений — сплошное шоу, хоть комедийный сериал снимай.

— Лола! Завидуй молча, в моих штанах что надо есть, а у тебя нет даже совести! — неожиданно грозно ответил Григорий, подал шёлковый халат-кимоно, помог накинуть поверх тренировочного трико, больше похожего на костюм девицы из кабаре. С великой осторожностью поднял меня на руки и понёс из фургона, как хрупкую фарфоровую статуэтку. И ведь приятно, когда такой мужчина с нежностью и заботой относиться. Но проблем эта забота не отменяет.

Точнее, проблема только одна: «Как мне снова стать Алей Антоновой?»

Глава 3. Профсоюз?

Фокусов не будет!

— Тили-тили тесто, жених и невеста. Сговорились! Вместе сбежать собрались, давайте, бросайте нас! — Лола быстро спустилась со ступеней, чтобы Григорий не наступил на неё случайно, но ворчать не перестала.

— Лола, у меня нога сломана, ходить не могу, голова болит. Пожалуйста, не ворчи, ты же не пришла мне помочь, не мешай Григорию...

— Давно ли он стал Григорием, ты же его за человека не считала! Зазнайка! А теперь, как опу прижгло, так мужику лапшу на уши вешаешь, чтобы помыкать и подле себя рабом оставить! — Лолу вдруг прорвало. Она как шут или юродивый на площади сейчас вдруг решила резать правду от накопившейся обиды и страха за будущее. И я чувствую, как каждое слово маленькой осы болью растекается под кожей Григория. Его руки только крепче прижимают меня, и желваки на лице, как жёрнова, перемалывают бешенство.

Похоже, что у нас здесь не такие уж и дружеские, семейные отношения, скорее наоборот. Но я лишь на секунду пожалела о том, что мы, оказывается не одна команда. Выяснить отношения совершенно нет ни сил, ни желания.

— Так, ситуация накаляется, мне хреново, и ты пытаешь-

ся сделать больно единственному человеку, способному мне помочь? Это как минимум некрасиво, как максимум жестоко. И я после этого падения изменилась, но если тебе так хочется, чтобы я стала стервой, то мы с Гришей распродадим всё, оплатим вам жалование или как оно называется, и этот проклятый, как его...

Смотрю на силача, потому что слово забыла, он тепло улыбнулся и подсказал:

— Пошлина в размере пятисот рублей и небольшой залог, примерно триста рублей, это все покроется продажей шатра.

Победно поворачиваю голову к Лоле и компании, что успела собраться на нашу не тихую перепалку и улыбаюсь. Прежде всего потому, что Гриша не подвёл, снова предельно чётко сформулировал финансовую проблему и предложил лёгкий путь решения. Одна беда, здесь нет «Авито», быстро продать не получится.

Не обращая внимания на собрание, Гриша отнёс меня в нужник, причём довольно чистый, прикрыл дверь и встал, как секьюрити. И остальные стоят.

Да сколько можно-то мне и пожурчать нельзя.

— Да отойдите вы, хоть немного, я из нужника не испарюсь.

— Кто тебя знает, вдруг с фокусником сговорилась, откроем дверь, а тебя нет и плакало наше жалование.

М-да, ситуация совершенно нелепая, Гриша вдруг начал довольно громко насвистывать цирковой марш. Какой, од-

нако, понимающий мужчина. Он и «коллег» отогнал на почтительное расстояние. А как только я открыла дверь, снова подхватил меня на руки и понёс дальше.

Вперёд вышел довольно приятный мужчина в чёрном сюртуке и тоже с усами, если бы не галстук-бабочка, то можно было бы принять его за похоронщика.

Иллюзионист, фокусник, тот самый приличный, за которого меня язвительно только что сватала Лола? Его не волнует моё состояние, только личный интерес:

— Адель, так что будем делать-то? Алмазов нам сделал предложение, как я понял, Гришка подле тебя остаётся, эти все сами по себе, а мы с Пе-Пе на новую программу? От тебя хоть какие-то идеи кроме как всё распродать будут? Времени нет, решать нужно срочно.

Моё падение заставило всех волноваться, потом визит Алмазова, и теперь непростой разговор назрел. Кажется, я дала слабину, и они подступили, а Адель умело отваживала, может быть, и обещаниями кормила, или сама ничего не понимала и не хотела понимать.

В небольшом шатре стоят три длинных стола и лавки по бокам, народу человек двадцать, Пе-Пе, Лола и фокусник уселись за ближайший стол, и уставились на меня и Григория. Словно я им сейчас программную речь должна выдать.

А я ничего не знаю, наобещать можно что угодно, но я не депутат, с меня же за каждое слово спросят.

Так и сидим, смотрим друг на друга, я по крайней мере,

заново знакомлюсь с труппой.

— Так какие у вас, мадемуазель Адель, будут по нашу душу слова? Пошлёте нас, или при себе оставите, как Гришку, мы вас тоже на руках носить могём.

Не выдержал какой-то парень, слишком дерзкий, однако.

— Соображения есть. Но у меня нет уверенности в реализации.

— Ты говори, вместе покумекаем, — Пе-Пе без грима выглядит вполне безобидно, но гонор тоже появился, а ещё другом назвался. Так, они ещё профсоюз организуют.

— Первый вариант, продать всё, рассчитаться с долгами, кто хочет, идёт к Алмазову, другие получают выходное пособие и сами устраивают свою жизнь.

— Это мы уже поняли, а другой вариант? — снова выкрикнул парень с крайнего стола.

— Продолжать работать, продумать новую программу, посмотреть, на чём ещё можно заработать, цирк — это не только шоу, но и другие развлечения. Что-то типа ярмарки устроить, создать праздничную обстановку, чтобы людям...

— Бордель и игорный дом открыть, а ещё забегаловку, где наливают! Совсем рехнулась? Мы цирк, артисты! А не скорохи с ярмарки! — внезапно иллюзионист вскочил и с таким пафосом заявил о причастности к искусству, а я тут, по его мнению, похабщину и торговлю предлагаю, смотрите-ка какой гордый.

— Другими словами, вы готовы только четыре раза в неделю показывать один-два трюка и за это получать жалование? А я должна вам его обеспечить? Нет, так дело не пойдёт. Мы из-за такого отношения к проекту оказались на краю разорения, я предложила первое, что пришло в голову, вас это не устроило. Потому что придётся работать по несколько часов ежедневно. Вот поэтому я и советую вам перейти к господину Алмазову, я одна пахать, чтобы вас обеспечить не собираюсь. А теперь со сломанной ногой и вовсе не могу. Судя по словам того же Алмазова, я здесь была гвоздём программы.

На меня ходили смотреть. А теперь всё, прикрылась лавочка.

Что-то я разозлилась. Показалось, что я на нашем типичном заседании, и на меня пытаются свалить почти всю и работу, и ответственность. Тут и в теме быть не нужно, чтобы понять, что в цирке всё совершенно непросто, и, похоже, что все выезжали только благодаря амбициям Адель, мастерству фокусника-зазнайки и силе, и красоте Гриши. Что тут же подтвердилось обиженным воплем иллюзиониста.

— Смотрите, какая фифа наша Адель, на неё одну ходили смотреть, мои номера тоже любят, если бы Лео не умыкнул мою даму, и я бы её пилил на радость публике, то и на меня ходили бы ценители высокого искусства, а не только те, кто на вас в бинокль пялились.

— Илья Ильич, вы бы постеснялись барышне хамить, а то ведь я не сдержусь, вашу магическую палочку-то обломаю! — Гриша не выдержал и прорычал, аки лев. И я вдруг заметила его лютую харизму. Он не просто силач, он харизматичный самец. Не только девушек любят рассматривать мужчины, но и девушки не прочь полюбоваться на мужскую красоту. А у Гриши её, этой самой красоты с избытком. Холености нет, но если я приложу к нему свою крепкую руку, подстричь, усы привести в порядок, заставить сесть на сушилку, чтобы тело приобрело выраженный рельеф, и он станет бриллиантом, уж я в нашем торговом центре тоже не сиднем сидела, а три тренировки в неделю в большом фитнес-зале отработывала, уж в мужской красоте толк знаю...

— Смотрите-смотрите, как она на Гришку-то, а! Видать точно головой повредилась, он же каторжник, ты его и за человека не считала! Признайся, ведь тебе селёдочник предложение сделал, ты ведь не просто так свалилась, только неудачно вышло, это же форменный саботаж, хотела слинять под шумок...

Неожиданно выступил какой-то мужик, до этого момента

угрюмо молчавший, но с таким лицом, словно ждал этого самого момента, чтобы выдать правду и тем меня уколоть побольнее.

М, да, с этой трупой я кашу не сварю, это точно. Они меня ненавидят? Дальше можно и не продолжать. Продавать всё и...

— Адель, это правда?

Ну что ты будешь делать, Гриша теперь возомнил из себя униженного жениха.

— Я не знаю никакого селёдочника, мало ли всяких навязчивых поклонников, мне и Алмазов какие-то претензии выставил, но я же вроде как не приняла? Или я кому-то что-то пообещала?

Мой вопрос повис в тишине, все ждут, что я с позором провалюсь и Гриша в растрёпанных чувствах психанёт и тоже меня оставит.

— Ах, господа хорошие, а я вас обыскался, Адель Андреевна, правда ли это? Вы сегодня разбились, я, как узнал, примчался. Все дела бросил!

В шатёр вошёл пожилой, плотный такой крепыш, с залысинами, но в дорогом камзоле. Я вопросительно смотрю на Гришу – он мой единственный соратник в этом хаосе.

— Помяни чёрта, селёдочник твой! Пойду я, пожалуй, не буду мешать счастьем молодых! — процедил мой силач, встал, но тут же сел на место, потому что я успела его схватить за мизинец и дёрнуть к себе, прошипев: «Сиди, ты мой,

понял!»

Единственный, кто не проникся мизансценой, тот самый навязчивый «селёдочник», не обращая внимание на собравшихся, подошёл, демонстративно поцеловал мою руку и от него действительно пахнет рыбой.

— Сударыня, я решился, вот чек на тысячу рублей, и я выкупаю вас из этого пошлого рабства, вы мой бриллиант. И я не намерен отступить!

Селёдочник достал из кармана вексель, который с лихвой покроеет все наши долги, и тут же коробочку с перстнем, и буквально воткнул мне под нос.

— Ну вот, я же говорил, а ты Гришка, Гришка! Деньги-то селёдкой не пахнут! — снова голос того самого противного мужика, эквилибрист чёртов, и без его комментариев тошно.

Глава 4. Отставка жениху

— Тыщ-щ-ща! — прошелестело по рядам нашего «профсоюза», но они живут одним днём и не понимают, что это максимум выручка за три недели нормальной работы цирка. Наивные, как дети, ей-богу.

В сознании вспыхнуло желание разогнать этих циркачей, набрать новых и начать работать, потому что нигде больше таких денег мы не заработаем. Если даже селёдочник «чем» в тысячу рублей неистово гордится.

Порадовало, что соображаю я довольно быстро, для человека, свалившегося с трапеции и потерявшего память, это неслыханное везение. Гриша поник, остальные ждут, что я заберу и чек, и кольцо. Потом продадим остатки оборудования Алмазову и разойдёмся в разные стороны. Я под венец, остальные, кто куда.

— Милая Адель, в чём же заминка?

— Ох! Простите, я упала и стала дурочкой. Ничего не помню, не соображаю, совсем тупенькая. Вот Гриша меня в нужник носит, кормит с ложечки. Нужна ли вам такая... Ущербная жена. И как недавно сказал Алмазов — я вроде как падшая... Я даже имени вашего не припомню... А теперь всю жизнь с палочкой-костыльком хромать.

И ресничками хлоп-хлоп. Уж так жалостливо промурлыкала, что кто-то в шатре громко охнул. Пе-Пе выпрямил-

ся и вытаращил глаза на меня, видать, проняло заявление, остальных не вижу из-за широкой спины силача, ну пусть тоже вспомнят про совесть.

Селёдочник поднял брови, осмотрел меня и ещё более внимательно оценил перевязанную ногу, я её на лавочке вытянула, чтобы в песок не опускать.

Товар лицом, пусть приценится, стоит ли целую «тыщу» раненая женщина.

— Авдей Лукич меня зовут, это правда? Вы головой повредились?

Киваю, и так себя стало жаль, впервые за эти пару непростых часов, видать, адреналин закончился, и я теперь скатываюсь в панику, причём настоящую.

Какой жених, мне бы вообще эту ситуацию осознать, принять и смириться. Но я не могу, пока всё во мне бушует, требуя возвращения в свой любимый мир и жизнь. И эти разборки дурацкие совершенно лишили силы...

Всхлипываю, утыкаюсь лбом в плечо Гриши и начинаю так рыдать, что коробочка с кольцом внезапно захлопнулась и исчезла в черноте глубокого кармана Авдея Лукича и вексель за ним следом.

— Примите мои искренние соболезнования, это печальная ситуация, конечно, вы правы, мне жена с увечьями, — причём он не на ногу показал, а у виска покрутил. — НЕ НУЖНА! Счастливо оставаться!

Резко развернулся и был таков. Быстро же его любоФФ

растаяла.

Кажется, то, как я сейчас поступила, совершенно не вписывается в представление труппы об Адель.

Никогда не была актрисой, я даже врать толком не умела, бабушка учительница, дедушка в полиции служит, пусть не следователем, но в такой семье ложь – последнее, чему можно научиться. А тут, я так спонтанно, и на искреннем глазу выдала, заплакала, притворилась несчастной. Разбитой, унылой, что мне все поверили.

Оскара! Срочно выдайте мне Оскара! Это мой первый удачный опыт обмана.

Видать Адель врала, не моргнув глазом, выкручивала всё на свою выгоду, и в цирке у неё была только одна цель – найти вот такого селёдочника, выскочить замуж и стать «приличной» дамой при деньгах. Даже запах рыбы её не отвращал. Не мог такой человек прийти и решительно заявить о своих намерениях жениться, не имея на это предварительного сговора.

Это падение, должно было стать способом симуляции, мол упала, и теперь вот вынуждена вас оставить... Только упала совершенно неудачно, и теперь в этом теле оказался мой разум, или душа, кто бы знал.

Она на всё была готова ради денег, жизни при состоятельном муже и без вот этих, скажем честно, вредных людей. Даже спать с мужчиной типа селёдочника готова, но я нет, ужасно не люблю затхлый запах рыбы. И для меня деньги

пахнут. Хотя, в цирке запашок стоит немногим лучше.

Мы так и сидим молча, труппа сверлит взглядами меня, не понимая, как им теперь быть. Я сама отказалась от денег и завидного жениха.

Гриша просто в шоке, ведь по всему выходит, что я сейчас предпочла его, а не богатого мещанина.

А я вообще не понимаю, как дальше разругивать ситуацию. Наклоняюсь и шепчу: «Гриш, я есть хочу, хоть бы чаю и хлеба с сыром, или пирог».

— Сейчас, а у тебя ничего не болит? Может, в постель, и я принесу...

— Голова, но она ещё долго болеть будет, как лекарь сказал, так что я уже не обращаю на эти мелочи внимание. Поесть и немного полежать, ноет всё тело, если, по правде. Но и в фургон не хочу возвращаться, рыдать начну, а не хочется.

Силач молча встал, поднял меня на руки и понёс через площадку, занимаемую цирком. Из-за шатров я вдруг разглядела, что мы находимся рядом с провинциальным городом. И Цирк не такой уж и маленький. Шатёр нарядный, добротный. Фургонов штук восемь, под навесом лошади, и ослики, остальное рассмотреть не успеваю.

Через несколько минут мы оказались в небольшой таверне на окраине города, Гриша быстро сделал заказ, так и держит меня на руках.

А трактирщица одарила силача жарким взглядом, не было бы меня, ух и разговор бы у них состоялся. Но женщина

увидела перебинтованную ногу и ограничилась деликатным замечанием:

— Ой, как вы её, на руках-то. Каждая бы пожелала такого ухажёра. Сейчас принесём заказ, проходите, вон там вам будет удобно. Мокрое полотенце принесу, уж не ходить с ногой-то до умывальника.

— Спасибо. Очень любезно с вашей стороны! — обнимаю Гришу за шею и улыбаюсь, он реально недооценённый бриллиант цирка, а не Адель. И с трудом верится, что женщины ему ласковых слов не говорят. Одна женщина не говорила ему ласковых слов – Адель Попова, злючка и зазнайка, которой лучше запах селёдки, чем вот это всё.

— Ты ведь что-то задумала? Ничего не делаешь просто так, — стоило силачу меня устроить удобнее на отдельном стуле и полотенцем протереть мои вспотевшие ладони, сразу начался допрос, уж он после каторги знает, как допрашивать. А мне с каждой минутой всё сложнее играть роль «Адели», так хочется сказать правду, чтобы от меня отстали, но одному Богу известно, что нас ждёт, не останусь ли я здесь навсегда.

Лучше лжи – полуправда, попытка договориться лучше, чем дешёвые манипуляции:

— Я упала, ударилась всем телом и головой. Память отшибло, ты мне нравишься, это не сарказм и не обман. Селёдочник, наверное, хороший человек, но ты видел, как он от меня отвернулся. А ты нет. Думаешь, у женщин красота

вечная? Дети, роды, болезни, полнота, мы не хорошеем с годами, а ему, уродцу, нужна фарфоровая кукла, чтобы друзья завидовали. Это не стоит тысячи рублей, с тобой мы заработаем такие деньги недели за три, не с этими, так с другими артистами. Ты красивый, смотри, как на тебя женщины смотрят. Я сделаю тебе красивую стрижку, приведу в порядок усы, брови, разработаем тренировки и тело подсушим, рельеф твоим мышцам нужен, после закажем красивую одежду и станешь гвоздём программы. Но над номером придётся поработать. Я думаю, что под купол не полезу больше, но когда нога заживёт, то позволю тебе крутить себя как вздувается, как чирлидершу, акробатика, понимаешь о чём я? Думаю, что получится. Вот и весь мой план.

Стоило мне договорить, как впервые в жизни удостоилась увидеть лицо глубоко потрясённого мужчины. Он замер, рот приоткрыт, в глазах блеснули слёзы. Вот это я его проняла.

— Это шутка?

— С чего бы? Или ты не хочешь? Меня сейчас носишь, даже не стонешь, поднимая как гирию. Веса во мне примерено пятьдесят килограмм, ещё немного похудею. Станет легче трюки делать. НО хочу сказать, что из-за травмы, могу не сразу включиться в работу. Считай, что я новичок.

— Ты готова меня сделать гвоздём программы? Не себя? Меня? Ты же звезда, люди на тебя шли.

Закатываю глаза, на нас сейчас пялятся трое мужиков, я в алом халате и вид у меня очень уж потрепанный. Но вид здо-

ровяка Гриши не позволил им решиться и подойти, видать, приняли за местную шалаву, фу, как неприятно. Мы подождали, пока ямщики прошли дальше, а нам подали обед. И переговоры продолжились.

Однако я признаться не поняла, почему у Григория такая реакция, он себя в зеркало не видел? Или у него номер плохой?

— И теперь мне людям показывать сломанную ногу? Не могу понять, что тебя не устраивает? Или мы без цирка остаёмся, кроме нас никого нет?

— У нас нет денег, чтобы продолжать работу. Это первое. Второе, чтобы поставить новые трюки нужно время, а сезон в самом разгаре.

— До завтра это подождёт? Сегодня я отдохну, завтра мы с тобой пройдем по цирку, всё посмотрим, оценим, потом заставлю всех показать номера, посмотрим, что с рекламой, и как ещё можно заработать, за пару дней, сделаем инвентаризацию, программу и тебе наведём лоск, а потом вместе всё просчитаем, и окончательно решим, будет ли у нас достойная маржа или не стоит даже пытаться. Главное, чтобы мне не слечь, я сейчас на эмоциях, и, наверное, не понимаю до конца, ни боли, ни своих травм, ни того, что нас ждёт. Поэтому и говорю, что всё завтра.

— Завтра так завтра, но я одного не могу понять, ты меня хочешь сделать партнёром? Меня?

— А ты ещё кого-то видишь? Со мной никто кроме тебя

не возится, а партнёры, знаешь ли, познаются в беде.

Он взял ложку, помешал похлёбку в горшочке, а потом так пронзительно взглянул на меня, снизу вверх, и дугой изогнув густую чёрную бровь, что настал мой черёд замереть и покраснеть.

— Вот оно! Это в тебе от природы...

— Нет, это во мне от тебя, ты вдруг сделала из меня Донжуана-сердцееда. Сам не понимаю, что со мной происходит. Смотрю на тебя, слушаю и вскипает внутри, ух что вскипает...

Улыбаюсь ему, со стороны мы парочка влюблённых, но у нас иное, ну мне так кажется, а у Гриши и правда всё вскипает, на смуглых щеках проступил румянец, а в глазах появился задорный блеск.

— Просто я тебя разглядела, как алмаз в породе, и давай прекратим эту тему, а то я уже не знаю, куда деться от твоих жгучих взглядов, убавь харизму-то. Пожалей больную женщину.

— А не хочу, ты меня мучила, теперь мой черёд.

И Гриша, очень довольный собой, рассмеялся, прекрасно понимая, что из-за ноги, я пока в его полной власти. Он от этого кайфует, а я не знаю, как его знойное воздействие умерить, чтобы не вспыхивать каждый раз, когда он не без сарказма скидывает на меня быстрый пронзительный взгляд, прижигает милой улыбкой и продолжает есть, словно ничего не происходит.

— Ещё раз так посмотришь, и между нами будет только бизнес. Или я начну флиртовать с Алмазовым, а потом об этом тоже очень пожалею. Так что в такой ситуации нам лучше о романтике забыть. И прекрати смотреть на меня, как кот на буженину. Я не съедобная.

— Так это, я тренируюсь. На манеже-то придётся быстро с барышнями заигрывать. Потом какая-то богатенькая вдова решит меня выкупить, как тебя селёдочник, и вот тогда ты пожалеешь, что сделала из меня звезду.

— Я уже жалею. И с чего ты решил, что нравишься мне, может быть, я тебя хочу использовать в своих корыстных целях. Хотя напомни-ка, между нами поди какой-то конфликт был. Я же не помню. Ты подрался?

И тут он перестаёт жевать, выпрямился и так посмотрел на меня, что аппетит пропал.

А в сознании какие-то жуткие флешбэки, сути которых я не понимаю. Но догадываюсь.

— Ты в тюрьму из-за меня попал?

— Ты всё забыла, вот и не стоит нам об этом говорить. И только одно скажу, Алмазов собирается в столицу, а нам с тобой, там появляться не желательно. Доедай, партнёрша, отнесу тебя домой и надо над номером подумать, а то завтра заставишь показывать на что я годен и опозорюсь.

— Расскажи!

— Нет, и точка! Меньше помнишь, крепче спишь. И Лола подробностей не знает! Даже не думай поднимать эту тему.

Он вдруг заговорил так, словно я его собственность, отбитая в честном бою, и он имеет право распоряжаться мной. Но я пока не против. Однако жутко интересно стало, что между нами произошло в прошлом, да ещё и в столице. Да такое, что он в тюрьму сел, а я, то есть Адель на него люто обиделась.

Глава 5. Новые подробности

Мы неспешно доели свой обед, и Гриша заказал навынос блинов, чтобы не возвращаться за ужином. А я очень строго сказала, что чуть позже пересмотрю его диету, гречневая каша, мясо, много воды, и овощи. И это кроме тренировок, о которых нам тоже предстоит хорошенько поговорить.

— Ты, как я посмотрю, за меня основательно взялась, как за породистого жеребца.

— Про породу не знаю, но жеребец ты знатный.

Гриша засиял!

Кажется, ему вот так откровенно никто не говорил, о красоте, силе и о том, что его можно использовать, как ценного артиста.

Почему-то не боюсь, что он зазнается, Алмазов ему предложил место, но из-за нежелания ехать в столицу, Гриша уже отказался, а значит, он моя собственность. Ну или я его собственность. Сложно пока понять, но таскается со мной, как с писаной торбой – он. Всучил мне глиняный горшочек с блинами и молча поднял на руки. Что и говорить, галантности в нём, даже самой примитивной маловато, действует по наитию, и заботливые действия пропитаны внутренним порывом, над красотой движений тоже надо бы поработать.

Странно, откуда у меня такие мысли, я же далека от всего этого. Пару раз фотосессию себе покупала и помню, как де-

вушка-фотограф добивалась от меня того, что я сейчас пытаюсь разглядеть в Григории. Гармоничной красоты не только в теле, но и в движениях.

Видать, Адель была профессионалом своего дела, и её «наработки» не пропали. Странно, что её душа канула в Лету и память следом.

Мысли внезапно прервались грубым окликом в спину:

— Эй, мужик, такую красавицу куда понёс? Нам оставь! — один из ямщиков не стерпел и поддел, лишний раз доказав, что не умеют простые люди делать галантные комплименты.

Гриша начал «негалантно» злиться, а я опередила:

— Мальчики, спасибо, что разглядели во мне красоту, приятно. Но увы, вы ошиблись, я артистка цирка, дама приличная, вот при этом мужчине состою, так что не стоит сыпать колкостями, и злить моего жениха. Но повторю, ценю, что вы обратили внимание на мою привлекательность. Всего хорошего и приятного аппетита.

— Благодарствуем, сударыня. И вам всего хорошего, — ответил самый старший ямщик, ему проблемы тоже не нужны.

Мы мирно разошлись.

— Как ты их, и не придерёшься. Цирковых побаиваются, слухи ходят, что банда промышляла, очень уж отчаянные грабители банков, да богатых домов. Но то лет пять-семь назад было дело. Может, и поймали, да память у людей оста-

лась, что мы нечисты на руку, как цыгане, только ещё опаснее.

— Вот видишь, слыть опасным порой гораздо полезнее, чем быть таковым.

— А ты очень удачно упала.

— В каком смысле?

— Умная стала, была хитрая, охотница за состоянием, а теперь что? В меня влюбилась? Алмазов запугал? Твои тайные переписки с каким-то клерком, мы ждали от тебя хоть слова, а притащился селёдочник? Не поверю, что принцесса цирка, разменялась бы на такого мужичка с затхлым ароматом. Что произошло на самом деле? Ты же и чёрта не боялась, сейчас бы от этих мужиков и места мокрого не осталось.

Гриша неспешно вышел из таверны, остановился, наслаждаясь моментом, солнце светит, воробьи в пыли принимают песчаные ванны, кони с жадностью пьют из поилки воду...

Нет, эти реалистичные мелочи на меня сейчас производят большее впечатление. Я словно прозрела, рассмотрев окружающую действительность. Она реальная, это не воображение, не биполярна, и не виртуальная симуляция. Надежда на возвращение домой тает с каждой минутой, как деньги на карте.

А силачу эти нюансы жизни и зарисовки вообще по барабану, он упивается своим триумфом, несёт на руках женщину своей мечты, решившую его облагородить и возвести на пьедестал, не догадываясь, что вместо неё в этом теле совершенно другая дамочка. И чувствую, что радость у него вызвало то, что я его прилюдно назвала женихом. Но я решила перевести разговор в другое русло. Пусть первый раскроет секреты.

— Так и не скажешь, что случилось между нами? Кого ты избил?

— Нет. Не думал, что скажу такое, но я рад, что ты свалилась и всё забыла ...

Нам навстречу выбежала Лола, вид у неё встревоженный, запыхалась бедняжка.

— Вы снова милуетесь? Гришка, она что-то затеяла, обведёт тебя вокруг пальца. Ладно бы ты не наученный жизнью был, но ведь уже столько натерпелся от этой дурной бабы.

— Лола! Ты ревнуешь? — Гриша теперь на маленькую женщину взглянул так, как только что на меня смотрел. И та смутилась, но ненадолго.

— Нет, не ревную. Жалею единственного приличного и доброго человека в труппе. Ну и, между прочим, пока вы в таверне прохлаждались, Рыковы обшарили твой фургон. Никто не решился их остановить и помешать. Всё перерыли. Севка крикнул, что раз ты от селёдочника отказалась, значит, у тебя заначка есть, и они решили её забрать.

— Забрали? — у меня ни злости, ни раздражения. Показалось, что этот поступок именно то, чего я ждала от шайки эквилибристов, они недаром меня подначивали.

— А было что забирать? — у нас с Лолой началась пикировка вопросом на вопрос, у кого первого сдадут нервы и ослабнет бдительность. Она решила ответить уточняющим вопросом, хитрая какая.

— Не помню! Я же сказала, что дурочкой стала... А хотя, скажи-ка, они из фургона вышли молча или матерились?

— Злые и матерились! У тебя там сам чёрт разозлится, бардак такой, что смотреть противно.

— А ты не смотри, но про бардак соглашусь, полегчает, начну разбирать. И раз они матерились, значит, ничего и нет. Надеюсь, уехали?

— Да, сбежали. Надоели вы мне. Ходите довольные, словно нет проблем, а людям есть нечего...

— Не ворчи, сейчас я нашу принцессу положу в постель и тебя накормлю блинами, сразу подобреешь, — проворчал Гриша, утомлённый нашей женской перепалкой, и у Лолы заметно повеселело личико.

Подошли к моему фургону, заглянули в него и ахнули. Подлецы всё перевернули вверх дном, был бардак, а стал форменный ужас, Гриша посадил меня на ступени, прикрыл дверь и проворчал:

— Лола, а меня позвать? Вам вот любой повод, лишь бы Адель насолить, а после удивляетесь, что она так к вам от-

носится. Мы или все вместе, или каждый сам за себя.

Здесь уже и Пе-Пе подошёл с виноватым видом, и фокусник на «крыльце» своего траурного фургона возник. Всем досталось от силача, отчитал, взял меня на руки и молча понёс к себе в опочивальню.

Скромный снаружи фургон, но с идеальным порядком внутри. Кажется, что тут даже пыль краснеет и сама выметается, лишь бы не порочить чистоплотность хозяина цирковых «апартаментов».

— Надо же, какая у тебя идеальная чистота. А ты где спать будешь? Постель одна.

— Принесу матрас из твоей кибитки, вытряхну, постелю на полу. Или ты стесняешься.

— Мы партнёры, а не влюблённые. Но нет, тебя я не стесняюсь. Тем более есть шторка у кровати, и кто меня на руках будет носить. Нет уж, мы теперь в одной связке.

Гриша хмыкнул, надеюсь, что мой ответ не получился таким, словно я с ним только ради помощи. Похоже, что для настоящей Адель это было нормой.

Но у меня ещё есть та слабая надежда, что я сейчас лягу в кровать, укурюсь, усну, а очнусь в своём мире, с мужем в гостинице в Сочи, и этот сон останется только вспоминать...

Смотрю на Гришу и вдруг понимаю, что не очень-то и хочу возвращаться.

Ужасное чувство стыда ошпарило, на лбу испарина, уши огнём горят, я же замужем за Мишей, и мы вроде как лю-

бим друг друга, третья годовщина свадьбы вот прям в эти же числа, на неё в Сочи или в Турцию и летим.

Зря подумала о прошлом, только расстроилась.

Быстрее умываюсь, снимаю красный халат и верхнюю «майку» от тренировочного трико.

— Гриша, а у тебя есть ножницы. Мне нужно снять эти панталончики, а из-за лангета не получается. Разрежу, а завтра что-нибудь придумаю.

Он молча подал мне ножницы, задёрнул шторку и вышел, не в силах бороться с эмоциями. Это для нас женщина в купальнике почти норма, да и шорты с топом не производят фурор на улицах, по крайней мере, среди нормальных мужчин. А я сейчас заставила разыграть воображение силача, не удивлюсь, если он не придёт ночевать.

Быстро разрезала тонкую ткань, сняла пыльные панталоны и в нижнем белье легла в постель.

Предчувствую, что меня сейчас охватит паника, я уже чувствовала, как она ко мне подступает, заставляя взвыть, какого чёрта я вообще здесь делаю, это всё не моё, я ничего не понимаю и хочу домой. Каких усилий стоило сдерживаться, чтобы не выдать себя, от этого больше всего и устала.

Входная дверь стукнула, судя по шуму, Гриша приволок мой матрас и устраивает себе место для отдыха. Но ещё не вечер, ему спать рано. Надеюсь, что сейчас выйдет, и я постараюсь расслабиться и уснуть, с одной лишь целью не проснуться здесь.

— Ты в пристойном виде?

— Да? Под одеялом. Хочешь предложить что-то непристойное? Позволь мне немного отдохнуть...

Он резко отдёрнул штору и протянул мне лист бумаги, не простой, а какой-то официальный документ, ещё и спечатью.

— Это что? — спрашиваю, потому что в фургоне темно и тиканье в висках не позволяет сосредоточиться.

— Это ты мне объясни, баронесса.

— В смысле, баронесса? Что объяснить? Господи, я ничего не помню, а у тебя память и того хуже, как у рыбки, пять минут и чистый лист. Сколько можно повторять, я упала, очнулась — гипс! Как кино, ей-богу!

На его лице уже не только желваки, но и усы забавно дёргаться начали, но смехом здесь и не пахнет, выдохнул и более спокойно выдал:

— Хорошо, но в этом документе написано, что ты делала запрос на подтверждение родственных связей с неким ныне покойным бароном, якобы он твой отец, и подтверждение тебе прислали, доказательства оказались верифицированными. Барон умер, и ты два дня назад ездила в его усадьбу? Ведь так? Лео твой дядя по матери, а отца ты никогда не знала... Ты снова ввязываешься в авантюру? Я к тебе очень хорошо отношусь, но второй раз в тюрьму не пойду, так что советую раз сто подумать, стоит ли связываться с такими людьми, и тем более что-то от них требовать.

— Странно, что ты очень хорошо осведомлён о моих де-

лах. Если считаешь, что ездила, значит, наверное, ездила. И, наверное, меня там не слишком хорошо встретили, раз я вернулась и шмякнулась об пол, и была готова выйти замуж за селёдочника. Если тебе кажется, что я что-то скрываю, то тебе не кажется. Наверное, это позор, о котором я не хотела говорить. Вот и всё.

— Спи, после поговорим, эта бумага лежала под матрасом, странно, что Рыковы её не нашли. Держи, всё же документ и важный. Не злись. Я пойду, посмотрю, что осталось от нашей трупы. Сам приму решение, сворачивать шатёр или оставить. Если все собрались разбежаться, то лучше собрать и упаковать, пока ещё остались помощники.

Гриша говорит отрывисто, явно сдерживает даже не гнев, а досаду на Адель, он только в неё (меня) поверил и снова маячит подстава?

Молчу, потому что верю, что утром меня здесь уже не будет...

Он пристально взглянул на меня уже без налёта сексуальной игры, положил бумагу на полку над кроватью, снова задёрнул шторку и вышел, так и не дождавшись вразумительного ответа.

— Надоел этот балаган, пора заканчивать, спать, спать, спать. А утром проснусь — и море...

Закрываю глаза, лежу в постели и неожиданно проваливаюсь в темноту. Голову сдавило, тело занемело, и воздуха не хватает, меня словно окунули в ледяную воду, не просто окунули, а притопили, не позволяя вынырнуть и вдохнуть.

Я уже согласна на тело Адель, на цирк, только бы жить...

Что такое со мной случилось, что я не могу вернуться в свою прошлую жизнь. Она закончилась. Показалось, что я на миг открыла глаза, увидела себя в каком-то ужасном месте, и с визгом очнулась в фургоне. Испуганный Гриша держит меня на руках и качает как маленького ребёнка.

— Пе-Пе помчался за лекарем. Ты умерла, боже, Адель, не делай так больше, пожалуйста.

— Я умерла... Но почему? — этот вопрос врезался в сознание, но возвращаться в морг или в больницу, где я себя случайно обнаружила только что, я не хочу. Уж лучше этот цирк, клоуны и тело Адель, чем ничего...

Глава 6. Новые обстоятельства и лица

«Лихорадка» свалила меня на три долгих дня. Порой выныривала в реальность, очухивалась, позволяла себя накормить и отнести в нужник, чтобы не позориться хотя бы в этом, и снова проваливалась в кошмарные сны. Гриша думал, что я болею, но нет, это не болезнь – это борьба за место под солнцем. Одного желания остаться здесь и жить, оказалось мало, пришлось ещё доказывать, выгрызать это право на жизнь.

А я вдруг очень захотела жить. Те кошмары, что навели на меня панику и ужас во время «сна» стали лучшими мотиваторами для борьбы. Что-то такое в прошлом произошло, что нечисть признала меня своей собственностью. Точно уверена, что никогда в жизни не совершила бы против себя ужасный грех. Я ведь жила вполне счастливую жизнь, работа отличная, машина, шикарнейшая квартира в центре Москвы, наследство бабушки, и любящий муж, вполне красивый, слегка сноб, но творческий, и тоже работает в рекламе, в отделе креатива в довольно большом информационном отделе, а это элита. И с чего бы мне всё это разрушать? С чего бы грешить и отказываться от жизни. Тем более сейчас в Сочи, а зимой уже в Азию на побережье Индийского оке-

ана, моя жизнь расписана на год, и ни единой трагедии я в этом списке не помню.

Это какая-то жестокая ошибка, и я должна всё исправить...

Доказать своё право на существование.

Очнувшись утром четвёртого дня, я вдруг решила, что мне нужно в этой жизни взять или обет или принять аскезу. Выполнить это обещание и тем самым подправить свою «репутацию» перед высшими силами.

«Восстановлю цирк, сделаю его лучшим, таким, чтобы артисты в очередь стояли, а зрители и подавно!»

Прошептала, открыв мокрые от слёз глаза, и увидела уставшее, осунувшееся лицо Гриши. Он по обыкновению хмыкнул и так на меня посмотрел, что я вдруг согрелась.

— Вот это мне в тебе всегда нравилось, ты как паровоз, прёшь вперёд, не обращая внимания на то, сколько к тебе прицепили вагонов.

— Я просто не хочу умирать, в шаге от края была, такого насмотрелась во тьме, что не могу себе позволить эгоизм.

— М, да, эк вас, барышня, перекроило, напугала ты нас, уж думали священника звать на соборование, не делай так больше! Кроме того страха, что ты на нас нагнала, есть и хорошая новость, и не одна.

Я попыталась приподняться на подушке, но сил нет, пришлось позволить Григорию себя посадить выше. Он быстро помог, но каждое его касание, действие заставляет моё тело

приятно вздрагивать, словно оно влюблено в силача без памяти, а разум ещё раздумывает.

— Рассказывай.

— Первое нас осталось совсем мало. Пе-Пе решил, что со мной ему гораздо проще, чем у конкурента, Лола, понятное дело, с нами, её голубей и номер зрители любят. Капризов со своим чёрным фургоном уже перебрался к Алмазову. У нас были хорошие гимнасты Василий и Изабелла, от них же номер с конями, мартышкой и осликами, детям нравилось, но тоже ушли к Алмазову.

— Ты сказал, что новости хорошие, а сам говоришь, что никого не осталось.

— Хорошая новость, я выкупил твой долг, откладывал деньги на старость и на дом на берегу реки, но с такой зазубой, как ты, чувствую, до старости не доживу. Так что теперь, по сути, шатёр мой. И у нас есть ещё деньги, чтобы перебраться в столицу, набрать там трупку и отработать до октября.

Наступил мой черёд открыть рот от удивления.

Протягиваю руки, обхватываю его за шею и прижимаюсь, откуда только силы взялись.

— Ты же не хотел в столицу. Что изменилось?

— Ты! Пойду за едой и скажу оставшимся, что мы завтра утром выезжаем. И кстати, Пе-Пе привёз другого врача, настоящего, он тебе вправил ногу, перелома нет. Через неделю заживёт! И я начну крутить тебя как самую красивую гирию

с бантиком, собственно, это и была самая хорошая новость.

Чувствую, как ему сейчас непросто. Он рискнул всем и решился вложить деньги в самый ненадёжный проект и в самую ненадёжную партнёршу. Взял мои руки, осторожно отцепил от своей крепкой шеи и заставил лечь. Эти несколько дней и его изменили.

— Прости меня за прошлое, чтобы я не делала подлого, о чём забыла, и теперь даже стыда не испытываю, но, если ты мне ещё веришь, я постараюсь не подвести.

— Да, в аду видать костры погасли, Адель просит прощения! Это можно бы и отметить. Прошное осталось в прошлом. Теперь твоё слово мало что решает. Да, формально, ты являешься владелицей, но расписки и долговые бумаги теперь подтверждают мои вложения. Мы стали настоящими партнёрами. Просто так тебе не удастся продать шатёр. Уж прости, пришлось принимать решение быстро и без тебя, Алмазов подсуетился и натравил на нас клерков из городской управы, уж они подступили, требуя оплаты. Так что выбора у меня особо и не было. Дам тебе ещё один шанс, а там посмотрим.

— Как скажешь.

Он ещё раз взглянул на меня, поднялся с кровати и вышел отдавать приказ о скором переезде в столицу. Знала бы я, что переезд цирка – это не на машине промчаться из города в город. Это тяжёлая миграция, кочевая жизнь, и ехать нам минимум неделю.

Мой разгромленный вандалами Рыковыми фургон в таком состоянии и «стартанул», «рулить» упряжкой я не умею, чем озадачила всех. Адель умела!

Пришлось нанять мне «извозчика», паренька Захарку, что на учёбу едет в столицу. И подработает, и нам поможет, и доедет вполне безопасно, как сказала его матушка, благоговляя здорового лба сыночка в дорогу. Думаю, её сердце уже подсказало, что сынок к концу кочёвки завербуетея в труппу за весёлой жизнью циркача.

На первой же ночёвке Захар попросился к нам в труппу. Мы так уютно расселись у большого вечернего костра, с ароматным чаем, пирогами, купленными по дороге, и не успели наши вечерние разговоры начаться, как парень и выдал свой не таинственный секрет, что смерть, как хочется в циркачи.

— А ты что умеешь? — Гриша ждал этот разговор, но решил сразу парня не отваживать, а дать шанс.

— На руках ходить, яблоками жонглировать, четыре штуки в руках кручу, петь, и на балалайке играть, но балалайку маменька продала, побоялась, что я пойду с ней странствовать. А я с вами. И ещё кое-что...

— Дурная твоя голова, ты же ничего не умеешь!

— А вот и умею, но это тайное, я в прошлом году посмотрел, пойдёмте, пойдёмте, дядь Гриня!

Захарка рослый, но тощий, молодому организму надо пи-

тание нормальное, а он жилистый, штаны уж короткие, вид потрёпанный, выцветший на солнце. Я думала, что он в училище, но нет. К сапожнику или жестянщику наниматься с испытательным сроком в подмастерье, считай, что год батрачить бесплатно. Прекрасно его понимаю, не такая романтическая жизнь у жестянщика, да и небогатая. Он особенно и не рискует, если мы его возьмём. Я даже решилась, потому что даже разнорабочий, и тот нужен. Но сейчас Захар проявил настойчивость, дотянул-таки Григория до коня и громко, почти как на арене, крикнул:

— А спросите, его превосходительство коня, хоть что...

Гирша не сразу понял, оглянулся, взглянул на нас, мол, что этот чудик чудить изволит, но спросил:

— Ваше превосходительство, а не скажете ли нам, сколько будет пять плюс пять?

— Я конь, а не учёный, но всяко понимаю, что два раза по пять ведер овса, всяко лучше, чем одно!

Конь закивал головой. А мы в который раз поразились увиденному. Голос глухой, как из-за кулис, но явно это говорил сам Захар, но с закрытым ртом и непроницаемым лицом. И как он хитро ответил. Словно в стендапе выступал. Простой ответ не заинтересовал бы, а вот такой, очень даже...

— Постой! Ты чревовещатель?

Захар засиял!

— Ага, в прошлом году был здесь небольшой цирк и там дядька с куклой, мне понравилось, я спросил, как он так де-

лает. Он показал, и я вдруг смог. Сам поразился. Но меня прогнали, тот мастер ух, как озлобился, а я бы у него кусок отобрал. Так как? Нравится?

— Спрашиваешь, это редкий номер. И вот с конём или ослом самое то, что надо!

— Раз вы меня берёте, то вот вам, моя доля. Я стащил и мюсё Алмазова, он меня не взял. Прогнал, сказал, что вид у меня не артистский, ну я и своровал у него афишку.

Захар оказался человеком очень непростым. Только на вид юный, но он изощрённый пройдоха, мы уже чувствуем, что станем для него лишь трамплином, и потом он ещё себе имя сделает. С такой настойчивостью.

Парнишка достал большой лист тонкой бумаги, развернул и подал Григорию.

Тот прочитал, повернулся ко мне и нашей труппе, озадаченно почесал затылок и произнёс нечто такое, что заставило нас всех ощутить прилив адреналина.

«Объявляется конкурс на звание «Царского цирка» с призовым фондом сто тысяч рублей, и возможностью год работать в единственном официальном здании столичного цирка».

Далее условия и сроки. Начало состязаний через три недели, приём заявок завершается за три дня до начала марафона.

— Сто тысяч? Это поэтому Алмазов нас уничтожил, забрал лучших и помчался в столицу! — Лола быстрее всех

сделала верные выводы.

— Выходит, что так. Но мы не сможем победить. Пять-шесть номеров — это не программа. Увы, мы даже заявку подавать не будем, чтобы не позориться.

Гриша выдал свой вполне реалистичный вердикт и пошёл от костра в ночь, понимаю, как ему тяжело сейчас, такой конкурс — это отличный шанс отыграть все неудачи и обеспечить себе безбедную старость.

— Ну и зря, я бы рискнул! Удача любит дерзких, — сказал «конь» и кивнул своей большой головой.

Нам бы такую уверенность, как у Захара...

Глава 7. Преображение силача

Эту ночь мы все очень плохо спали, особенно я, но теперь уже в своём фургоне, чтобы нас не успели длинные языки «коллег» окончательно объявить мужем и женой. Но, думаю, что уже поздно, наши отношения слишком яркие, и если я себя ещё сдерживаю, то у Григория это получается с трудом.

Он всё так же носит меня на руках и в эти моменты сияет счастьем, а я смущаюсь. И теперь всё больше времени провожу у себя, благо дел хватает.

Во время неспешной езды успела хоть немного разобрать бардак, вернуть просушенный на солнце матрас на место, застелить чистым, а с костюмами днём заниматься не хотелось. Вот теперь сижу вместо сна и при свете керосинки перебираю довольно откровенные наряды и сценические образы Адель.

Я лично, ни за что бы не вышла на сцену в таких декольте, как у неё грудь-то не вываливалась во время трюков. На пляже, да, но там все одинаково оголённые. А быть в центре внимания – это испытание не для меня.

Но красotka Адель купалась в энергии страстных взглядов, похоже, ей это доставляло удовольствие не меньшее, чем гонорары.

Это и не удивительно при такой-то внешности, она миниатюрная копия Мэрилин Монро, когда впервые увидела себя

новую, замерла, показалось, что смотрю не в зеркало, а на экран телевизора. Я, которая настоящая Аля, обычная, красивая шатенка, но без изюминки, брала стилем, образованностью и умением себя подать. Многие вообще удивлялись, почему Миша меня выбрал, но он сказал однажды, что любит мою естественную красоту, а силиконовые женщины его не прельщают. Вот я и успокоилась, поверив, что мой муж ЗОЖ исповедует во всём, не только в еде и в тренировках.

У Адель есть тот самый естественный вау-эффект во внешности. Она рождена быть артисткой, как Монро, как Любовь Орлова, Вивьен Ли и другие неоспоримые, эталонные красавицы старого кино. И я пока не могу привыкнуть к своему образу, убрала зеркало, чтобы лишний раз не вспоминать о непонятной реинкарнации, смотрюсь только по утрам, когда расчёсываю длинные золотистые локоны.

Если к себе я привыкнуть ещё не успела, то к Григорию привыкла подозрительно быстро. Даже его усы и шевелюра не пугают. А зря!

На третий день пути мы расположились на ночлег недалеко от небольшой таверны, на берегу широкой реки. Больше всего меня обрадовал пологий, песчаный пляж. Непременно, как стемнеет, «пойду» купаться, а пока стирать, навести порядок в фургоне, всё протереть от пыли. Глядя на манящий берег, напрочь забыла о больной ноге.

Будь что будет, я больше не могу брызгаться в тазиках, больше такой шикарной возможности не предоставит-

ся. Завтра нас ждёт очень долгий переход, как сказал Гриша, дальше сплошной лес да болотины – встать негде. Будем плестись до часов трёх ночи, если всё будет хорошо, и не сломаемся по дороге.

Но купание позже, сейчас есть дело намного более важное.

— Григорий, я намерена сегодня привести вас в шикарный вид. Создадим вам образ артиста. Готов ли? — задорно спрашиваю компаньона и вижу довольные улыбки обывателей нашего кочевого сообщества.

Хоть какое-то развлечение, посмотреть, как Гришку корнать под горшок будут, примерно так прокомментировала Лола мой месседж.

— А мож, не надо? В столице подстригусь! Ты же не умеешь!

— Умею, в детстве мечтала быть стилистом и во время учёбы ходила на серьёзные курсы...

Дура-то я какая, ёлки-палки, начала браво, а закончила фразу чуть не шёпотом. Это же я про себя настоящую, про Алю рассказала, как подрабатывала во время учёбы в универе стилистом и даже подумывала в этой профессии и остаться, мне казалось, что это такая современная и модная профессия, можно вести блог, а если честно, то я просто хотела чуть больше денег, чем выделяла мне бабушка. Если бы не амбиции Миши, так, наверное, и работала бы...

— Ты училась?

— Проехали, снимай рубашку, пока светло, сделаю из тебя человека, а потом купаться в реке.

Мгновенно белая рубаха взметнулась вверх, рукава как крылья взмахнули и...

Вот она, истинная мужская красота.

Нельзя быть настолько красивым – это преступление! Форменное преступление.

А этот гад понял, на что я уставилась, стоит и мышцами поигрывает, улыбается довольный.

— Эй, гляньте. Наша-то, втюрилась в Гришку. Вот ведь, любовь зла, полюбишь и нищего силача!

— Так силача, а не задохлика, куда садиться-то? — гордый Гриша уже взял круглый табурет, и я молча указала ему, куда его поставить. Из-за ноги мне пришлось стричь с высоких ступеней фургона, а Гриша по моей команде будет поворачиваться. Но всё же стоять я уже могу, особо сложные этапы работы сделаю стоя.

Взяла подходящие ножницы, опасную бритву, очень острую, ей Адель, скорее всего, брила ноги, но я с такой тоже обращаться умею.

Набралась смелости, оценила шевелюру и решила сделать ему стильную стрижку с высоким затылком, у женщин называется «пикси» у мужчин: «стрелец». Волнистые, с хорошей текстурой волосы, густые и блестящие, завидные, другими словами.

Одна беда нет машинки, и придётся затылок формировать

ножницами и потом очень осторожно брить от шеи, но так, чтобы не получились примитивные «острые козырьки», тут мне придётся изрядно попотеть, добиваясь плавности перехода от ни чего до начала объёма.

Ух, перекрестилась и начала со слов:

— Готов? Сейчас сделаю из тебя красавца, женщины будут штабелями вдоль дороги...

Он поднял голову и так посмотрел, словно я сейчас от него отказалась и готовлю дать объявление на «Авито», мол, отдам в добрые руки.

— А мне другие не нужны, главное, чтобы ты...

И тут мои пальцы утонули в его кудрях, немного помассировала кожу и заставила богатыря застонать.

Окружающие тоже притихли.

Стрижка началась, и довольно бодро, всё же три года — тоже опыт. Кстати, если с цирком не выгорит, создам здесь прибыльный «барбершоп».

Улыбаюсь своей идее, потому что даже этими убогими ножницами у меня получается вполне классно, осталось намылить шею и сделать бритвой красивый контур и виски. Потом побрить лицо и, наконец, исправить форму усов.

Через долгих сорок минут над поляной прокатилось тихое: «Ничего себе!»

Пе-Пе подал Грише большое зеркало, и я получила ту реакцию, на какую рассчитывала. Наш силач замер, долго смотрел на себя прекрасного, и, не скрывая эмоций, выдал.

— Адель, выходи за меня!

— Это потом! Адель, пожалуйста, пока не стемнело, меня также, ну, пожалуйста! — Захар взмолился и спас меня от неловкого момента.

— Подстриги мальчика, а Гришка уж вроде большой, знаешь, что к чему, а кольцо для предложения-то где? — проворчал Пе-Пе, осматривая мою работу. — Безупречно, и когда ты так научилась стричь?

— У меня просто талант! Садись, Захар, подстригу твои вихры, у нас же самый лучший цирк, надо соответствовать.

Григорий, всё ещё переживающий факт своего преобразования из мужика в аристократа, молча отложил зеркало и как был в штанах, с разбега нырнул в реку. Кажется, вода вокруг него сейчас вскипит. Хорошо, что штаны у него тёмные, а то, пожалуй... С меня хватит и его обнажённого торса.

Но как приятно видеть вау-эффект от своей работы. Вот за это любила стричь. И как оказалось, даже скучала по ножницам. Но, теперь у меня будет несколько голов для постоянного развлечения.

Быстрее принимаюсь за работу, чтобы не видеть, как наш счастливый бегемот плещется в реке, к нему присоединились и остальные «члены команды», все, кроме воробушка Лолы, она присела рядом и теперь подаёт мне то бритву, то ножницы, то расчёску, мне помощь вроде и не нужна, но ей очень приятно быть сопричастной к магии.

С Захаром всё получилось в разы быстрее, во-первых,

приноровилась, во-вторых, у него нет усов и щетины. Стрижку ему сделала более дерзкую, ещё и висок сбрила, длинную чёлку оставила, сказав, что её можно будет шнурком назад завязывать. И тогда будет виден декор.

Не успела закончить работу, Захар пронзительно завопил.
— Эй, гляньте, каков я красавец! Адель, я вас не оставлю, за такие стрижки ещё и разнорабочим...

Мокрые мужчины столпились на траве, и с любопытством рассматривают авангардное творение «мастера».

— М, да! Чудные дела творятся. Это же надо, как ты его! Даже франт Алмазов против Захара теперь – провинциальный дурень, а уж с Гришкой и рядом не стоял.

Как всегда, точно выдала Лола. И теперь в её голосе нет привычного сарказма, чему я очень порадовалась, но молча, понимаю, что она пока тоже привыкает ко мне новой. И лучше дать всем время, надеюсь, что со стрижками я не слишком-то прокололась.

Поднимаю взгляд на Гришу и мгновенно отвожу.

Всё, он уже не тот, кем был при прошлой Адель, этот мужчина по щелчку пальцев может любую женщину заполучить.

И это моих рук дело, я сама создала монстра, и теперь девицы в столице вздрогнут. Так, как сейчас вздрогнула я и он это заметил. Улыбнулся, уж так довольно, что у меня снова мурашки пробежали. Думаю, что и у него тоже.

Неприятно, что наши перегляды несекретные для «коллег». Но, даже если я пока могу сдерживать эмоции, то Гри-

ша этого не просто не стесняется, он гордится тем, что между нами, наконец-то появилась та самая искра, о какой он так долго мечтал.

Не знаю, чем бы закончилась наши романтические гляделки, я решительно собрала инструмент и объявила, что тоже хочу купаться, и чтобы некоторые, особо впечатлительные не подглядывали, надену костюм...

— А нога? Ты же ходишь пока с костыликом, и стригла со ступеней!

— Ну я наступать-то могу, уже не так болит. Надо разбинтовать.

Меня на секунду расстроило, что, вероятно, купаться мне пока рано, так и продолжу в тазике плескаться. Но стриженный рыцарь опустился передо мной на колени, осторожно развязал повязку на ноге. Ух и гематома там, от одного вида затошнило.

— Сейчас я сам тебя искупаю, не брыкайся, вода чудесная, приятная. Уж за твой труд позволь оплатить тебе такой малостью.

Пришлось снять верхнее платье и в плотных панталончиках и майке, в каких Адель часто репетировала, отдаться на милость своего героя.

Вода и правда восхитительная. Я взяла мыло и как заправская кочевница, помыла голову в реке, позволяя Грише огромными ладонями лить мне на голову тёмную воду, как из ковшика.

Сколько в этом моционе эротики, не удивлюсь, если от перегрева рыбыны всплывут кверху брюхом, вскипятим уху в реке.

— Адель, поклянись, что больше не будешь рисковать и лезть в неприятности с этим баронством.

Он вдруг не выдержал, обнял меня и заставил ощутить всю силу своей страсти.

— А с чего вдруг сейчас ты вспомнил?

— Потому что сейчас мы близки, как никогда, ты в сознании, а я без тебя больше не могу. Всё это очень опасно, ты не единственная наследница, уж они с тобой церемониться не будут. Поклянись, что забудешь это дело...

Мои брови взметнулись вверх, значит, Гриша знает гораздо больше, и они не раз уже спорили с Адель по этому поводу.

— Я постараюсь. Но мне кажется, что волноваться не о чем, я ничего не помню, и тот документ, что ты мне отдал, скорее запутал, чем приоткрыл тайны прошлого.

— Это не прошлое, а вполне себе настоящее. Думаю, что твоё падение их рук дело, даже, скорее всего, так и есть, Рыковым заплатили, они не удивились падению, но удивились, что ты выжила. Понимаешь? Я тебе скажу, твои тайны и из-за кого я сел в тюрьму.

— Скажешь?

— Да, но не сейчас, вон там слишком много любопытствующих на берегу. А пока вот что я решил, мы в столице

пробудем совсем недолго, наберём труппу, там из-за конкурса много народу собралось, так что ещё номеров пять-шесть сможем обеспечить себе с новыми артистами. И двинем на юг, чтобы подольше сезон отработать, там и аренда дешевле. Вот такие у меня планы, что скажешь?

— Скажу, что ты мужчина и тебе, должно быть, виднее, как поступить. Скорее всего, ты прав и нам не стоит позориться.

— М, да! Ты точно не Адель! Или я слишком уж рьяно молился...

— Это о чём?

— Чтобы господь дал тебе разума столько же, сколько дал красоты. Вот, видишь, если усердно молиться, то...

Я не выдержала и брызнула на него водой, и тут же получила водопад на свою голову.

— Аделька! Если бы не твоя нога!

— В кусты бы утащил? Неси меня в фургон, молился он! Надо же, а я-то думаю, что со мной не так, поди ещё молился, чтобы я в тебя влюбилась без памяти? — начинаю смеяться.

— Это первое, о чём я молился, потом чтобы поумнела. Влюбилась?

— Нет! Молись ещё! — мы теперь смеемся вместе. Уж лучше смеяться, чем краснеть от смущения, хотя страдаю от неловкости только я, а Гриша наслаждается. Он и без ответов уверен, что покори́л меня.

— О, об этом ты не переживай, буду ещё усерднее молить-

ся, а ты не вырывайся, мы с тобой номер делать собираемся, а в таких номерах, доверие прежде всего, — он вдруг поднял меня, встряхнул над водой и подкинул вверх, и под мой оглушительный визг сразу поймал.

Первый опыт совместной эквилибристики оказался весьма пугающим.

— Эй, хозяйева! Примете на постой? Место есть? — над нашей поляной внезапно раздался такой звучный, густой глас, что даже Гриша вздрогнул от неожиданности. Пришлось короткими перебежками выбираться на берег, потом к моему фургону, а по дороге крикнуть Пе-Пе, чтобы спросил, кто к нам просится. Не хотелось бы лишних людей рядом. Но гостей это не волнует, четыре огромных цирковых фургона вкатили на нашу поляну.

Ближе к столице таких фургонов станет в разы больше. Конкурс и сто тысяч рублей — слишком лакомый кусок, чтобы отказываться и не рискнуть.

Глава 8. Продать нельзя оставить!

Гриша оставил меня в фургоне, а сам побежал к себе, штанишки менять, как он выразился. Быстрее передеваюсь в сухое, но всё равно очень медленно, не хочется пропустить последние новости, а с другой стороны, не в том я виде, чтобы с кем-то знакомиться.

На поляне уже начались громогласные переговоры, новенький мужик не умеет тихо разговаривать. Или специально себе статус зарабатывает, как петух раздухарился в чужом курятнике. Гриша ему тоже не уступает. Кажется, у цирковых, как у аборигенов какой-нибудь пустынной местности существуют свои традиции в общении. Сгораю от любопытства, однако вмешиваться не хочу, вряд ли новые постояльцы уедут, а у нас уже кони выпряжены, перетаскивать фургоны не получится.

Но! Эту поляну мы не покупали, место шикарное, потому препятствовать подселению не можем.

Громогласный мужик выкрикнул последний аргумент: «Тут уж, извини-подвинься, мил человек, всем места под солнцем надобно!»

На том и порешили. Я лишь тихонько сажу на ступенях своего дома, как Эли из Канзаса, и жду новостей от своего железного дровосека. Потому что незнакомец вдруг перешёл на шёпот, и разговор переключился очень оживлённое об-

суждение чего-то архиважного.

Наконец, переговорный процесс завершился, и Григорий вернулся, вместо новостей огорошил:

— Адель, нам надо поговорить, но после ужина, сейчас, кстати, твою ногу посмотрит знахарка, у наших соседей есть старушка, в травах отлично понимает. Так что дня через три уже сможешь плясать со мной кадрили.

Я даже понять не успела о чём он сказал, как рядом нарисовалась пожилая женщина, седая, сморщенная, но с удивительно доброй улыбкой, а уж глаза...

Она не иначе когда-то в цирке выступала, не очень доверяю такого рода медицине, но нога, посиневшая и с отёком, и её вид вызывает у меня приступ панической атаки, даже не смотрю на неё. Надо как-то правильно забинтовать, а я боюсь доверить это дело Грише.

— Ах, красавица, меня Федорой кличут, а это та самая нога, вот так угораздило тебя в сезон-то! Считай, без заработка останешься, с такой травмой-то. Но не переживай, на третьи сутки плясать будешь со своим женихом.

Она так задорно взглянула на красавчика Гришу, что, кажется, я приревновала. М, да, что-то новенькое в моей жизни.

Федора подошла, долго смотрела, потом что-то невнятное прошептала и начала искать в сумке подходящее снадобье. Достала стекляшку с какой-то зелёной мазью и не спрашивая разрешения, принялась втирать, а я принялась скулить, вцепившись в руку Гриши, а потом и уткнувшись в его широкую грудь, не хочется взвыть от боли сиреной.

— Молодец, терпеливая. Всё, сейчас перевязку, и завтра ещё раз. А там посмотрим, нам теперь всё равно одним обозом ехать, — она очень ловко перевязала ногу отрезом ткани, ещё что-то пошептала и улыбнулась. — Ну вот и всё, ночью уж облегчение почувствуешь.

— С-спасибо! — всхлипываю, шмыгаю носом, нестерпимая боль начала отступать мгновенно, знахарка словно обезболивающее приложила. Но меня всё равно мутит, голова кружится, того и гляди свалюсь со ступеней.

Старушка, вполне довольная своей работой, улыбнулась. Подмигнула Грише и пошла в свой чёрный фургон точь-в-точь как у нашего беглого фокусника Капризова.

— Пётр с Захаром сейчас вернутся из таверны с ужином,

и потом поговорим.

— О чём? О той тайне, что ты обещался мне раскрыть, в смысле за что тебя посадили?

— Э, нет! Тут дело иначе вывернулось, если решим уйти из цирка, то тебе и знать не обязательно.

— Ты противный!

— А ты как думала, пять лет с тобой бок о бок, не считая года в тюрьме, станешь тут противным.

Он довольный улыбнулся, снова легко поднял меня на руки и понёс под небольшой навес у грузового фургона, куда уже пришли наши гонцы с ужином.

— Ну что, други мои верные, есть у нас разговор, как вы уже успели почувствовать, простым он не будет!

— Ой, Григорий, начинаешь, как наш факир Капризов с загадок, говори, что там накумекали, с этим крикливым фазаном, — Лола выхватила из глубокой чашки кусок кулебяки и Пе-Пе плеснул ей в кружку бульон с мелко рубленной курятиной и яичными клёцками. Ароматная, горячая еда заставила нас отложить переговоры и быстрее утолить первый приступ голода. Уж после купания есть захотелось так же нестерпимо, как в детстве после речки.

— Очень вкусно. Ну так говори, что там произошло.

Киваю в сторону четырёх огромных фургонов, что разместились на краю нашей поляны.

— Они погорельцы! — Гриша сказал, и все сразу перекрестились, приговаривая: «Упаси Боже!».

— И тоже в столицу намылились, судя по всему, у них нет шатра? — проницательная Лола уже сделала правильные выводы, да они все сделали эти выводы, кроме меня.

— Да, и вопрос стоит так: мы можем продать им наш шатёр и прямо сейчас разъехаться по разным сторонам. Или принять их в свою труппу. Они за второй вариант, вот теперь спрашиваю вашего мнения.

Мы перестали жевать и переглядываемся, сложно понять, чего хочется больше. Я лично, уже готова согласиться на цирюльню, у меня круто получается и в столице быстро сделаю себе имя. Гриша от меня не отстанет, это точно, да я без него в этом мире загнусь быстрее, чем мы доедем до города. Остальные размышляют о своей дальнейшей судьбе. Вопросов слишком много, и мы не ожидали, что придётся их задавать прямо сейчас, времени на принятие решения почти нет, но и затягивать нельзя.

— А что у них? — Пётр сделался серьёзным и решил подойти к вопросу основательнее остальных.

— Воздушные гимнасты, парень с девушкой, неплохой номер. Начинаящий, но вполне достойный фокусник, с животными работает, можно объединить с Лолой и её голубями, они прям пара-пара как на подбор.

Гриша подмигнул всем и с некоторым сарказмом кивнул в сторону Лолы, она мгновенно вспыхнула негодованием:

— Фи! Я бы попросила без рук, не надо накладывать свои загребушие лапы на моих голубок! Обойдусь без помощни-

ков, тем более начинающих, — и такое горделиво оскорблённое лицо сделала, что мы вместо того, чтобы стыдиться, рассмеялись.

Особенно Гриша.

— Лола, там такой фокусник, он тебе понравится, клянусь, я его мельком видел, метр сорок с кепкой, красавец, вы просто сказочная пара. Правда, не обижайся, но парень хоть куда!

— Ах ты! Подлец! Каков, а! Меня, Лолу Альбертовну Швах, решил ещё и сосватать? Я не Адель, замуж выскакивать за первого встречного ещё и из погорелого цирка. Всё, меня не волнует ваше решение, доеду до столицы и пойду искать себе новый цирк!

Она покраснела, рассердилась, схватила остатки своего ужина и неуклюже спрыгнув с высокой лавочки, пошла к себе, но медле-е-е-ено, и так ненароком поглядывая на новые фургоны.

— Вот какая маленькая стерва наша Лола, её, значит, оскорблять нельзя, а она Адель Андревну уже который раз...

Внезапно за меня заступился Захар, видать причёска новая ему так понравилась, что он решил стать моим вторым рыцарем после Гриши.

— Пусть идёт, она никуда не денется, сама начнёт новому фокуснику глазки строить, он, правда, с ней как два ботинка в разлуке, мы этого парня уже видели. Так кто у них ещё-то есть? — Пётр снова вернул нас к важным вопросам.

— Фокусника и воздушных гимнастов назвал, музыканты, что немаловажно, и не только для Лолы жених, но и для тебя Пе-Пе есть партия, клоунесса, французенка, ну это не точно, однако я её видел в прошлом году в Твери, очень впечатлился, на коне джигитовкой занимается, ещё и жонглирует при этом булавами, иногда и горящими...

— Ага, потом вопрос, как сгорел ваш цирк? А клоунесса слишком высоко подбросила горящий реквизит! Я сейчас следом за Лолой обижусь! — проворчал Пе-Пе и спрятался за кружку с бульоном, сделав продолжительный глоток. Вот он точно знает, о ком речь, и уже тоже занервничал, мы с Гришей сияем, потому что надоело, как они нас поддевают, теперь появился повод немного издеваться над нашими язвами, пусть почувствуют, каково это — быть в центре всеобщего внимания.

— Пётр, не впадай в истерику, номер у Сесиль действительно впечатляющий, а сгорел цирк из-за поджога, уже упакованный шатёр вспыхнул ночью неделю назад. Думаю, что это также конкуренты, типа Алмазова, специально устраняют сильных соперников. Но у них ещё есть канатоходец с обезьянкой. Однако нет каната, тоже сгорел. У нас его тоже нет, кажется, но надо проверить в реквизите. Если не найдём, то он уйдёт к конкурентам. Программа вполне эффектная получается. Лёгкая и приятная глазу. Единственное, нет гвоздя, типа шпагоглотателя или распила женщины, или ещё чего-то сверх удивительного. Первого места мы точно не зай-

мём, даже у Алмазова сейчас программа более сильная, и есть тот самый гвоздь, именно шпагоглотатель.

— Адель же сказала, что мы тебя сделаем гвоздём программы. Я за объединение, продать шатёр легко, а вот купить новый — нет! Мы ничего не умеем, ну кроме Адель, она вон как стричь наловчилась, с таким мастерством она в столице не пропадёт, и ты при ней, с такой девицей, как наша Деля, ты где угодно как блин в масле. А нам труба-дело без цирка.

Пе-Пе очень прозорливый, быстро сообразил про мой план «Б» с парикмахерским делом, в случае чего. А уж как Гриша в этот момент на меня посмотрел, он явно не успел додуматься до такого варианта решения проблем. Но ему этот вариант тоже понравился.

Мы снова молча жуём пироги.

Григорию надоело ждать, и он, кажется, уже принял непростое для себя и нас всех решение, на правах совладельца шатра и программы.

— У них есть знахарка, она как раз матушка Остапа Васильевича, шпрыхсталмейстера (конферансье) и по совместительству бывшего хозяина шатра. У нас нет ведущего, нет знахарки и нет музыкантов. Так что это тот самый счастливый шанс, за который надо бы хвататься и держаться, продать мы всегда успеем, а рискнуть...

— Постой, ты же не хотел в столице показываться! Нам вроде бы опасно, — напоминаю его же слова.

— Было опасно, но раз ты поклялась, что не будешь во-

рошить прошлое и лезть палочкой в змеиный клубок, то думаю, что опасности особой и нет. Мы аутсайдеры, нас уже никто палить не будет, а номера отработаем, программу откатаем, а там, глядишь, на юге обоснуемся. Кто за?

Все единогласно подняли руки.

Гриша пронзительно свистнул, и к нам подошли знакомиться новые артисты объединённого цирка.

Мы с силачом ликуем, потому что наши коллективы сошлись как пазл, тютелька в тютельку. Лола не вытерпела и тоже подошла, и смотрите-ка, она нацепила шикарный шиньон, припудрила носик и накрасила губы. Новый фокусник уже пару раз с интересом взглянул на нашу колючку, и как теперь удержаться, чтобы не подкалывать их так же, как она подкалывала нас.

— Мы готовы вас принять в свою труппу, и подадим заявку на участие как единый коллектив.

Не успел Григорий договорить, как Остап Васильевич полностью оправдал своё имя:

— Когда победим, как поделим приз?

Вот тут мы не выдержали и рассмеялись, собрав все забавные новости в один момент, и Лолу с её новой любовью, и надежду Остапа на победу и то, как Пе-Пе смутился, когда увидел мадемуазель Сесиль, она красивая, рыжая, экстравагантная молодая дама, словно только что выпорхнула из Мулен Руж, и её портрет недавно рисовал сам Анри Тулуз-Лотрек. Вместе они с Пе-Пе будут смотреться восхитительно.

— Сорок процентов нам с Адель, как хозяевам шатра и главным организаторам, сам понимаешь, все расходы лежат на нас. Остальное делим как гонорар подушно, об этом позже договоримся. Но это в целом по кассе, на приз я бы не рассчитывал.

— А зря, Федора сказала, что у нас есть весьма весомый шанс, — Остап не унимается.

— И какой?

— Она! — длинный палец Остапа указал на меня, и стало как-то совершенно несмешно.

Глава 9. Откровенный разговор

Ох и озадачил меня внезапный выпад Остапа, ненавижу, когда назначают крайней. Типа проект по развитию новой фуд-зоны или розыгрыш призов для именинников на тебе, Аля.

Умри, но сделай!

Умерла, а что толку-то?

Снова в меня пальцем тычут, надоело быть крайней!

Хорошо, что солнце село, комарики загудели и мы поспешно разошлись по фургонам, особо не вдаваясь в детали, с чего это меня назначили тем самым «весомым шансом» на победу. Будет ещё время подумать.

Особенно мне.

Гриша отнёс меня в фургон, очень нежно поцеловал руку с ноткой игривости снова эти его взгляды. Настроение у него заметно улучшилось, последние события только меня насторожили, а остальные артисты, похоже, рады, что не придётся менять привычный образ жизни, продавая шатёр. Но выходить не спешит, вижу, что разговору быть.

— Пока ты не ушёл, передвинь, пожалуйста, этот сундук у входа, он мешает мне выходить из фургона.

Попытка переключить внимание на бытовые моменты не увенчалась успехом. Сундук встал на новое место, кровать сдвинулась ближе к выходу, а Гриша замер, подыскивая пра-

вильные слова для того самого разговора.

Не пожалеть бы потом, потому что порой лучше молчать.

Я первая решила слегка передвинуть стрелки от себя, хоть немного в сторонку:

— Странный этот Остап. Ткнул пальцем, я теперь после падения хожу с трудом, высоты боюсь, даже не представляю, смогу ли тебе помогать в номере. Считай, что я бесполезный балласт. Хотя если меня нарядить и заставить выносить рек-визит, то какой-то толк будет. Могу придумать необычные идеи для «упаковки» номера, слоганы сочинять для того же Остапа, акции, вот, к примеру, если человек привёл с собой пять друзей, то сам проходит бесплатно. Или лотерею розыгрыш десяти билетов на неделю. Или, кстати, очень интересно, если устроить соревнование между зрителями, пусть кто больше сможет подтянуться на перекладине, или отжаться, или гирию поднять, или фургон сдвинуть. А приз солидный, скажем десять рублей, а если скинемся, то и сто рублей. И на нашей поляне отбоя...

Гриша слушал, слушал, и вдруг расплылся в такой улыбке, словно впервые мороженое лизнул. А я-то ещё и до середины не дошла, продажи на территории, леденцы, сувениры, и прочие штучки...

— Остап прав! Ты уже на тысячу в неделю увеличила наш доход, каждая такая замануха обеспечит заполненность зала. Если эти идеи основательно продумать и реализовать, то нам и призовой фонд не нужен. Это совершенно новый подход к

работе. Нас, конечно, сразу начнут копировать, но мы будем первыми. Да и у многих, как у Капризова слишком высокое мнение о себе, считают, что торговля и всякие лотереи, и призы ниже их достоинства. Но я чувствую, что ты права, это гениальные идеи. А записать их не нужно?

— Это самые элементарные идеи продвижения. Уж если я сяду с листом и карандашом, и начну что-то основательное продумывать...

Не успеваю договорить, как оказываюсь в давящих объятиях восторженного силача. Он из меня сейчас весь ужин выдавит, как зубную пасту из тюбика.

— Ты теперь вся моя! Доедем до столицы, переверну вверх дном все лавки и найду кольцо достойное тебя, сделаю предложение. Бог с ними, с выступлениями, боишься — не выходи, так даже лучше, чем меньше тебя увидят в столице, тем мне спокойнее. Сиди со своими листочком и карандашом, придумывай нам идеи, программу распиши, я тебя на руках носить буду.

— Уже носишь, — хриплю, потому что вдохнуть невозможно. Очень уж у Гриши воображение разыграло о нашем светлом будущем.

Хватка ослабла, но лишь на миг, он не сдержался. Видать столько лет Адель его мариновала, да наше плескание в реке не остудило, а наоборот раззадорило мужика. Чувствую его напряжение, от которого под кожей и у меня растекается жар, не согревает, а плавит меня и мою девичью неприступ-

ность. Стукнуть бы его, чтобы опомнился, но не могу и не хочу.

— Люблю тебя, Адель, прости, не могу сдержаться!

Он наклонился, и наши губы встретились, лишь на короткий, очень нежный поцелуй. Боже, как он целуется.

Но через секунду после поцелуя произошло нечто совершенно внезапное. Он отстранился, осторожно посадил меня на кровать, сел рядом на полу, положил голову на мои колени и чуть не завыл. Заставляя моё сердце замереть от ужаса.

— Прости, Адель, прости. Я лишь твой партнёр по цирку. На мгновение забылся, а не смел...

— Почему? Ты болен? Что не так? Ой, нет, я не прошу тебя снова заговорить о предложении, но это как-то странно. Поясни!

— Ты, так или иначе, баронесса, пусть не признана родной, но наследство или воля твоего кровного отца нас разmetaет по разные стороны общества. Ты вольная, очень красивая...

— А ещё нищая, и, возможно, стану парикмахером в цирке, тоже подумала на этот счёт.

Он горько улыбнулся. Но эмоции сейчас такие бурлят, что становится не по себе. Ведь только было всё так приятно и хорошо.

— Нет, если есть у тебя родня, они тебя не оставят. А я каторжник.

— Я это знаю...

— Дети каторжника не смеют претендовать ни на что. Они навсегда останутся изгоями, ни достойной профессии, ни образования, ничего. Сесть в тюрьму по молодости легко, а отвечать будет семья и дети. Это очень жестоко, и я слишком тебя люблю, чтобы вот так разрушить твою жизнь, страх за тебя после падения сорвал мне волю, прости.

— Стоп! — поднимаю указательный палец, а хочется его хорошенько хлестнуть по щеке, чтобы привести в чувство. Прекрасно понимаю, даже помню такой закон о репрессированных, у меня бабушка вот так обманом поступила в университет, фиктивно вышла замуж за благонадёжного парня. Но в нашем случае всё иначе. — Ты ведь из-за меня попал? Ведь так, говори, что произошло.

— Тебя хотели изнасиловать трое уродов, их кто-то нанял. Я их покалечил, тебя отбил, но за сломанный нос, руку и ещё какие-то увечья они вдруг стали пострадавшими и меня упекли, рад, что всего на год. Ты наняла адвоката для меня, дали бы больше, но эти мрази так и живут в столице, и я буду рад, если ты не выйдешь за пределы цирка, не будешь участвовать в представлении. Мы отработаем, для простой публики, заработаем денег и уедем. Остап согласен на зимовку в южных губерниях. В Ростов двинем новым составом.

Его слова меня так потрясли, что на некоторое время не могла ничего ответить. Перед глазами вспыхивают ужасные картины, эти изверги похитили Адель на улице, затащили в карету и повезли куда-то за город. Надругаться не успели,

но одежду изодрали, ударили её, чтобы не сопротивлялась, приговаривая, чтобы «шлюха» знала своё место и не лезла в почтенное семейство. Мало ли с кем старый барон грешил, и если ещё раз увидят, то пригрозили изуродовать так, что свои же цирковые будут несчастную девушку в клетке, как уроды по городам возить и показывать. Когда Адель показалось, что жизнь кончена, подоспел Гриша, на коне догнал проклятую карету, и началось месиво, он один против всех, раскидал, избил молодчиков и забрал свою любимую, а на следующий день за ним пришли полицейские, никто из циркачей даже не понял, что произошло, и Адель промолчала, но втайне от своих отвезла деньги в адвокатскую контору и попросила спасти, однако ни разу не пришла проводить.

— Гриша, почему я с тобой так?

— Как? Я же сказал, что каторжник, ты относилась ко мне как к брату, ни одна нормальная женщина не свяжет свою жизнь с таким, как я, партнёрство – это самое большое, на что я смею рассчитывать. Это глупо, очень глупо, что я вдруг после твоего падения дал слабинку, прости.

— Так, подожди, пора разобраться. А тот документ? Он когда у меня появился, ну что я признана дочерью этого барона? Это я уже после того случая продолжила копать?

— Выходит, что так. Барон умер, возможно, там есть какие-то новые бумаги. Может быть, он и в завещании тебя указал. Я твой должник, ты оплатила адвоката, а тот выкружил мне всего год каторги, причём не самой тяжёлой, на ко-

рабельной лесопилке, вместо пяти лет на рудниках. Мы в расчёте, и слишком разные, баронесса. Единственное, что ты можешь для себя сделать, это выйти замуж за приличного человека, уехать в провинцию и забыть обо всём, как о дурном сне. А пока отсидеться в фургоне, раз нашим очень хочется попытать счастье в состязании, то мы им препятствовать не смеем.

— Я выйду замуж за тебя! Достойнее никого нет. Ну, а дети будут владельцами цирка, тоже не самое плохое занятие. Грамоте я их обучу. Не кисни, мы живы! Понимаешь? Живы! И я с каждым днём всё больше убеждаюсь, что ты самый надёжный человек.

Мои пальцы, едва касаясь, проскользили по его могучей шее и замерли в чёрных волосах, заставляя сильное мужское тело отозваться на ласку.

Гриша посмотрел на меня, как на умалишённую, не понимающую, на что собралась подписаться, и улыбнулся. Он так и не поверил в правдивость моих слов. Как жаль, я не могу ему открыться, что его Адель больше нет, и мне чтобы выжить нужен именно он. Человек, которому я и без объяснений могу довериться на сто процентов.

С трудом подбирая слова, наклоняюсь над ним и шепчу:

— Милый мой котик, после падения всё изменилось. Вообще всё. Я не помню, что между нами произошло, почему я на тебя обиделась, и ты причин моего надменного поведения не знаешь, но это уже не важно. Всё в прошлом. Я всё поняла, клянусь, лезть не буду, тихо просижу в своём фургоне, сделаю вам программу, распишу репризы и номера, акции, найдём интересные сувениры. Думаю, что у нас всё получится. Но только если мы будем вместе, понимаешь. Я без тебя загнусь. И кольцо жду только от тебя.

Он взял мои ладошки и поцеловал сначала одну, потом вторую. Щекотно, мурашки по телу табунами носятся. Но я не дура отказываться от такого мужчины.

— Нам завтра очень рано вставать, пойдём, отнесу тебя по женским делам, и спать. Только запирайся, новые люди на поляне пока доверия не заслужили, сама понимаешь, ты мой бриллиант, Остап уже на тебя неровно смотрит.

— Да ты ревнивый?

— Ужасно ревнивый, как зверь!

Я осторожно всунула больную ногу в чуню и позволила себя отнести в нужник недалеко от таверны.

Масляные фонари, висящие на фургонах, тускло освещают поляну, но для насекомых и этого света достаточно, чтобы создать нервную суету, уж каких только мотыльков не слетелось, есть и такие огромные, что птицы позавидуют размаху крыла.

В нашем мире таких насекомых нет!

Быстро сделав дела, вернулись к навесу, где стоит ведро с чистой водой для умывания, Гриша полил мне из ковшика, чтобы я умылась.

— Сейчас полотенце принесу, а ты мне польёшь? Невестушка моя!

— Да, конечно, полью, жених, неси полотенце. Страшные тут комары и бабочки, бр-р-р!

Он убежал в свой фургон за чистым полотенцем, а я замерла, наблюдая за гигантскими ночными бабочками, появилась идея с номером...

— Хи-хи-хи! — звонкий детский смех выдернул меня из задумчивости. От реки ли холодом повеяло, или это из-за темноты, но я вдруг ужасно замёрзла. Прямо колотить начало, осматриваюсь и вижу девочку лет пяти-шести, красивую, нежную, но одежды какие-то слишком простые. Она посто-
яла под фонарём у фургона новеньких и побежала в сторону таверны.

Если бы не Гриша, я бы, наверное, упала. Такая жуть...

— А у наших новеньких детей нет?

— Вроде нет, может быть, и есть, не видел.

— Сейчас девочка в таверну пробежала от фургона.

— Девочка? А, хотя, дети же обожают цирк, наверное, мать уснула, а она пришла без разрешения посмотреть на наше житие-бытие, но завтра предупрежу всех. Нужно проверять фургоны, чтобы не пролезла и не сбежала с нами. Хлопот с полицией не оберёмся. Ещё обвинят, что украли, а нам

это совершенно ни к чему.

Я успокоилась, вполне реальное объяснение получилось, быстрее поливаю Грише на руки, но сама оглядываюсь. Появилось ужасное, ледяющее душу чувство, что за нами кто-то пристально наблюдает.

Глава 10. Гвоздь программы

После нашего откровенного разговора я получила букет новых неприятных ощущений, словно до этого всё было прекрасно. Стремительная адаптация к новому миру, плюс падение и кочевая жизнь не позволяли расслабиться, так теперь ещё и наличие кровных врагов. В нашем мире за наследство бои в судах устраивают такие, что фильмы ужасов отдыхают. А здесь, видать, состояние внушительное, и его просто так мне не отдадут, плюс живой пример погорельцев, да и моё падение, уж не Алмазов ли подстроил, я кость, которая умудрилась застрять сразу в нескольких глотках. Страх – последнее, что я хочу получить от этого мира, а получила его в первых числах.

И не страхом единым, ещё и совесть изводит. Адель тоже что-то трепетное ощущала к Грише, иначе как понять мои эмоции, когда он рядом.

А я? Что я настоящая чувствую к нему, кроме благодарности?

Из-за страха и неопределённости ухватила за мужика, как за спасательную доску в море. Будь он не так красив, я бы тоже в него вцепилась и уважала бы, как минимум за преданность и настойчивость. Это очень редкие качества.

Есть ли во мне к нему любовь?

Да кто бы знал, за неделю-то, какая любовь? Мне бы вы-

жить и не утонуть в водовороте событий. Уже и столицы боюсь, видимо, не судьба мне здесь осесть и открыть свою парикмахерскую, отсидеться бы пару тревожных недель и уехать на юг. Вот и весь мой план на ближайшее время.

Но отсидеться не получилось. Пришлось начать работу, я теперь автор, рекламист, режиссёр-постановщик и художник по костюмам. Пусть не в таком объёме, как у настоящих профессионалов, но даже Остап согласился, что должен быть человек со взглядом на представление в целом. И поддержал идею общего сценария.

Вот этим делом я и занялась на досуге, благо с помощью Федоры моё здоровье стремительно улучшилось. Голова перестала кружиться, всего-то три раза в день пью её волшебный чай на травах.

И нога почти зажила, сначала прошёл отёк, потом гематома сделалась бледно-жёлтой, и на четвёртый день пути я смогла впервые самостоятельно передвигаться по очередному лагерю. Эти дни мы постоянно продумывали номера, речовки и слоганы. Диалоги клоунов оттачивали как стихи, потому что импровизация хороша, но не всегда. Сесиль оказалась очень приятной женщиной, смешливой, но руки у неё золотые, не только жонглировать, но и шить мастерица. Кое-что подправили в костюмах, и в гриме.

Удивительно, что всего за пять суток у нас получилось причесать программу по мелочам, выучить репризы и осталось только всё прогнать на генеральной репетиции.

Одно плохо, у нас нет гвоздя, кроме Гриши и, как ни удивительно, Захара. Его номер с осликом Жако, очень уморительный. Эдакий деревенский простофиля решил продать царю говорящего ослика. Но ослик говорит только весьма пикантные шутки, без пошлости, однако, если уловить тонкие контексты...

Мужская часть труппы заявила, что это именно то, что надо для простых обывателей. Им не нужны заумные репризы. В цирк они пришли посмеяться над собой, над жизнью и над простофилей Захаром, у которого даже ослик больше в жизни понимает.

Во втором варианте номера я тоже принимаю участие, делаю почётный круг по арене. После выступления Григория, в этот же момент выходит на сцену ослик и понеслась школа жизни, как деревенскому парню познакомиться со столичной девицей. Надо сказать, что уроки осла не всегда безобидны.

Для обычного провинциального шоу, наша программа очень даже эффектная. Как выразился Остап: «Весьма профессионально получилось, уж в грязь лицом не ударим, может не первое место, но и не последнее отвоюем, это точно!»

На том и порешили. Теория у нас уже есть, осталось провести генеральный прогон и выступать уже перед зрителями.

К столице подъезжаем уставшие как гончие псы. Последний перегон тоже хорошо нас потрепал дождём, ветром и самыми настоящими гонками.

Ещё один крупный цирк на подъезде к городу решил нас обставить, чтобы получить лучшую стоянку. Но Гриша с Остапом тоже «не пальцем деланы», пересели на самые крепкие и быстрые фургоны, третьим – Пе-Пе сел на облучок повозки с шатром и реквизитом. Это главное условие, именно шатёр должен первым оказаться на площади, и тогда

она будет наша.

Гонка началась часа в четыре вечера. Я даже не поняла ничего. Захар крикнул, что ему надо перейти на другой общий фургон, а я должна сесть «за штурвал своего» домика на колёсах.

— А что случилось-то?

— Григорий сказал, что они помчались место забивать козырное.

Парнишка махнул рукой вперёд, а там от наших пионеров уже и след простыл. Пришлось брать в руки вожжи и пристраиваться за небольшим фургоном более опытной Сесиль, ладно бы по степи или лесу. Но начались деревеньки, потом пригород, и тесные улицы.

Боже, сколько гневных ругательств я наслушалась в свой адрес от обывателей. Они, наверное, уже не рады цирковому празднику. Но!

Крики стихают в тот момент, когда люди замечают, кто сидит на облучке. Я виновато улыбаюсь. Мои золотистые локоны рассыпались по плечам, шея вспотела от жары и влажности, поправить бы причёску, да переодеться во что-то более приличное, но боюсь и на секунду отпустить вожжи, платье слишком простенькое, очень миленькое, и юбочка короткая, из-под неё торчат кружевные панталончики. Эдакая Мальвина-златовласка.

— Эй, красотка, ты где выступать будешь? Мы придём, обязательно. Ох, какая! Не девица, а конфетка, так бы и лиз-

нул.

Я краснею как раскалённый утюг, эти фразочки сопровождали меня до самой площади, куда мы внезапно вкатили по мостовой, и кто-то крикнул: «Прибыли!»

Какое счастье, что эти кони лучше меня всё знают, может быть, и сами бы привезли куда надо, без моих наивных попыток «управлять». Скорее всего, они сами и ехали, а я убеждала себя, что управляю большой повозкой, наивная. Но уставшие животные встали, и я наконец, вздохнула с облегчением. Привязала вожжи и сижу, жду дальнейших инструкций, уже вечереет, Гриши нет, Остапа тоже.

Зато Пе-Пе объявился.

— Они побежали в управу, мы обогнали наглецов с востока, эта площадка наша, самая лучшая из всех, что остались. Парни оформят заявку и можно будет вставать на ночёвку, шатёр поставим завтра, надо нанять помощников, чтобы быстрее.

Он прокричал новость и поспешил к своей повозке, до темноты нужно расставить фургоны в правильном порядке.

А я пока осматриваюсь, потому что от меня единственная помощь, не мешаться под ногами Захара, Петра, Василия и ещё двоих более опытных членов нашей команды.

Привстала на крыльце своего высокого фургона и осталась довольна, не зря мы гнали и сражались за это место.

Нам досталась шикарная площадь. Трактир есть на выезде, недалеко река и небольшой сквер, мы вроде как на окра-

ине, но именно из этого пятака расходятся лучами три самые широкие улицы в городе. Есть и лучше места, но по словам опытного клоуна, нам неслыханно повезло.

Через час вернулись довольные предводители с разрешительной грамотой и объявили, что на время состязания эта площадь за нами. И нам достался счастливый порядковый номер в жеребьёвке, мы третьи.

Мужчины довольно быстро расставили фургоны, как нужно, выпрягли коней и заказали праздничный ужин в трактире. Теперь можно отметить удачное начало столичных гастролей.

От усталости валимся с ног, но эйфория всё равно не даст уснуть. Гриша закончил последние дела, умылся и довольный обнял меня, прошептав:

— Это ты нам удачу приносишь.

— Я пока ехала в этом наряде, уже провела рекламную кампанию, мужчины кричали вслед всякие скользкие комплименты и обещались прийти на представление, но только если я буду выступать! А я же не буду, только выйду пару раз, ну и ты меня раза три подкинешь и поймаешь? Ведь так?

Силач пожал плечами, осмотрел меня с ног до головы, прикидывая, куда меня ещё необременительно можно применить, чтобы зрители не разочаровались. Но видимо, так и не нашёл подходящей «щели» в программе, снова приобнял и чмокнул в лоб, разговор продолжился уже за общим столом:

— Всего десять цирков, это очень много, расчёт организаторов был на пять-семь. Алмазов уже здесь, на самой лучшей площади, откупил себе небольшую гостиницу, прям король. Поди уже думает, куда приз потратит. Но жюри работает очень хитро. Десять цирков, выступления четыре дня в неделю, всего за две недели – восемь. Это много и тяжело, сам понимаю. Но тут уж ничего не поделать, такие условия. Судьи могут заявиться на любое представление, и мы не знаем кто они, возможно, что и не один раз заглянут. Оценивают всё, и количество зрителей, и номера, и даже выручку за этот период. Вот такая интересная у них организация.

— Да уж! Две недели не расслабиться, все соки выжмем, — проворчала уставшая Лола, но тут же спохватилась и улыбнулась, её новый партнёр, невысокий фокусник Вася сидит напротив, и внимательно слушает наш расклад на две недели, поглядывая на Лолу.

— Зато заработаем, — кто про что, а Остап про деньги. И в нашей ситуации – это правильный подход, иначе зачем такие экстремальные испытания. Особенно мне.

— Наш выход через трое суток. Одно хорошо, организаторы в газетах объявления дают, и на тумбах афиши висят, что на каждой площади в столице будут две недели идти бесконечные представления. Отличное подспорье, мы профессионалы, господа. Выйдем на арену, сделаем красиво и посмотрим, что получится!

«За успех!»

Все дружно подняли кружки со сбитнем, спиртное под запретом, даже мягкое пиво. Завтра подъём до рассвета, дел столько, что даже представить страшно.

После ужина мы как сломанные куклы на негнущихся ногах, с ноющими от бесконечной тряски спинами, пыльные, но довольные собой, разбрелись по фургонам, немного бы обмыться, обтереться и рухнуть в постель.

Внезапно на пороге снова возник Гриша, и с матрасом.

— Адель, я перехожу спать к тебе! Это не обсуждается, тебя оставлять одну опасно.

— Ага, сказал лис в курятнике: «Я вас посторожу, дорогие курочки!», — даже не знаю, как реагировать на его ультиматум, наши фургоны и так плотно стоят друг к другу.

— Хоть лис, хоть медведь, но я знаю, о чём говорю, одна не ходи, ни с кем не разговаривай. Это серьёзно.

— С чего у тебя такая паранойя вдруг, я и не собиралась ни с кем заигрывать, но мы уже спали в одном фургоне, думаю, что моя репутация уже и без того ниже плинтуса. Располагайся.

Он и расположился.

Снова на полу расстелил и вдруг шёпотом признался:

— Остапу Федора сказала, что твоё падение — злой умысел, и трапедия не просто так порвалась. У нас сейчас непростой период, врагов и конкурентов хоть отбавляй, и бить будут именно по тебе, понимаешь?

Вздрагиваю, вот он меня «успокоил» перед сном.

— Нет, не понимаю, может мне вообще уехать?

— Вместе уедем, всё будет хорошо, если я буду за тобой приглядывать.

— Приглядывай, чего уж. Но вопрос в другом, выдержишь ли? А то найду тебя однажды утром в своей постели.

Захотелось над ним немного пошутить.

— Однажды утром обязательно, но не сейчас. Пока у нас так много выступлений, на любовь придётся наложить охлаждающую повязку. Так что даже не пытайся меня соблазнять!

— Ой, что вы, что вы! Как можно, даже в мыслях не было. Вот только панталончики бы поменять, а то эти пыльные, да и юбочка...

— М-м-м-м-м! Ты победила! Не выдержу. Ладно, сегодня ночуешь под замком, а завтра поговорю с Сесиль, вместе ночевать будете.

Бедный мой рыцарь, осознав, что слишком много на себя взял, особенно после откровенных разговоров, и моей решимости выйти за него замуж, поди уж нарисовал в воображении и дом, и семью, и счастливую жизнь, а тут нельзя, и панталончики с кружевами.

Сбежал от греха под мой задорный смех.

Я подошла к двери, чтобы запереть за Гришей, но замешкалась, взглянула на центр площади, где завтра будет стоять шатёр, и замерла от ужаса, снова девочка, та же самая, махнула мне рукой и убежала за чёрный фургон.

— Приплыли, у меня шиза, сначала девочка, потом, не дай Бог, клоун как из фильма «Джокер». А там и до дурки недалеко, только не это.

Быстрее заперлась, закрыла глаза и уже пожалела, что выгнала Гришу, ледяная паника окутала моё тело, заставляя увидеть то, на что я усердно закрываю глаза. На тот факт, что у меня дар медиума. Эта девочка ненастоящая!

Вопрос в другом, от Адель он мне достался, или я его где-то подцепила случайно, путешествуя между мирами.

Глава 11. Кремень

Из-за усталости в первую ночь в столице я только прилегла и сразу отключилась, кажется, что и не ворочалась, под утро руки-ноги отлежала. С трудом пришла в себя, сделала небольшую разминку и улыбнулась, представив, как было бы «опасно» вот так лёжа в постели крутить велосипед, будь Гриша рядом, мы бы с ним далеко не уехали. Снова этот романтический налёт, дарующий радость, сердечко трепетно забилось на устах глупая улыбка, НО.

Прекрасно понимаю, что Гриша не мягкий и не пушистый, он только со мной такой, и то, пока я послушная, и фактически согласная на брак. На самом деле у него характер — кремень, уж такие испытания прошёл и не сломался.

Вздыхаю, потягиваюсь и встаю, нас ждут великие дела, и я к ним готова!

Несколько дней путешествия пошли мне на пользу, адаптация к новым телу и миру в самом разгаре, но я уже привычными действиями в походных условиях навела «марафет» и начла с душа. У наших фургонов для помывки в углу есть решётка, которую скрывает деревянная панель. Поднимаю пол, встаю на решётку и лью на себя воду из ковшика, так и моюсь, вода почти чистая, просто стекает на землю. Вчера у меня на такой подвиг сил не было. После пыльной дороги мне предстоит сменить постель, протереть все поверхности,

достать все нарядные платья из сундука, что-то погладить, что-то постирать, женских забот полно, но они чуть подождут, сначала нужно сделать одно очень важное дело.

Через час я явила себя коллегам по цеху, любопытствующей публике, нашим новым подёнщикам и Григорию, совершенно случайно оказавшемуся подле моего домика на колёсах. Только хотел продолжить нашу вечернюю «игру» в романтику, но заметив слишком серьёзный настрой, отступил. Сейчас я в нарядном, утреннем платье, с высокой шишкой, из мокрых волос и покрашенными губами встала на верхней ступени и как император Рима перед своими верными легионерами громко произнесла вступительную речь:

— Дорогие друзья, рада, что мы с вами дошли до этого этапа, совершили непростое путешествие, застолбили отличную площадку, и уже, как я вижу, начали работу по установке шатра. Так вот, что я хочу сказать: всё это мы делаем потому, что другого не умеем, и кроме того, мы это делаем для людей. У меня огромная просьба, не бояться поражений, не огорчаться по мелочам, давайте порадуем Бога нашим мастерством! Желаю вам как следует оторваться на этих выступлениях, поймать эйфорию и удовольствие, чтобы мурашки по телу! Надеюсь, что вы меня услышали и поняли! Желаю нам всем удачи!

Я давно решила, что нам надо выбрать именно этот путь и не упираться рогом в стену, и ловить кайф от творчества. Коллеги меня услышали и правильно поняли.

Первый начал аплодировать Гриша, потом все остальные.

— Милая, ты прирождённый импресарио, умеешь вдохновлять! Мы именно так и будем творить чудеса.

Он приподнялся и поцеловал мне руку, под обжигающими взглядами троих новеньких подёнщиков.

Окинула взглядом работы и поняла, что мне сегодня делать нечего, разве только стирку устроить, но это надо идти на реку, а Гриша не отпустит. И я придумала другой способ, как провести время, ещё более опасный.

— Гриша, а можно, мы с Сесиль и Захаром пройдем по торговым рядам, хочу посмотреть, что здесь продают, может быть к нам позвать кого-то из них. Всё интереснее.

— Нет! Ты никуда не пойдёшь! И больше к этой теме мы не возвращаемся, будь послушной девочкой.

Закатываю глаза, и, в конце концов, на поиск интересных торговых коллабораций отправились Захар, Сесиль и Остап, он за любой кипиш, если тот приносит деньги. И мою идею поддержал полностью, и думаю, что и хороший процент возьмёт с торговцев за право торговли среди публики. В приоритете сладости, безалкогольные напитки, сдоба, калачи, но без семечек, не надо нам мусора на площадке.

И снова всё пошло-поехало без моего участия, чувствую себя серым кардиналом, раздающим указания.

К вечеру грандиозный шатёр занял своё почётное центральное место, наши огромные фургоны показались маленькими коробками, и какое счастье, что нашёлся подходя-

ций канат для канатоходца, вот что значит, как следует поковырять свои же закрома. Остап осмотрел наше шикарное хозяйство и остался очень доволен.

— Наш шатёр был намного меньше. А у вас человек пять-сот-шестьсот поместится, очень хорошо, просто замечательно!

— Мне бы краски и лист бумаги, а то и два, напишу даты и время представлений, повесим при входе, что скажете? — моя очередная рекламная идея.

— Сейчас найдём, бумага есть, и краски тоже! Эй, Вася, принеси художественные принадлежности для леди!

Но я на этом не успокоилась.

— Перед началом выступления, примерно минут за тридцать, наши музыканты пусть начинают играть лёгкую музыку, она привлекает внимание. Здесь же нет других доступных способов создавать музыкальный фон, кроме как самим музицировать. Вот и разбавим серые будни праздником.

— Ох! Адель! Если Гришка проштрафится, я сам на тебе женюсь, до чего у тебя светлая голова, сейчас заставлю парней репетировать. А завтра с утра прогон нашего представления.

Мы все остались очень довольны друг другом, особенно я довольна, что Остап мгновенно хватает идеи и реализует их. Он прирождённый маркетолог, но я, пожалуй, не буду ему об этом говорить.

Когда все сложные и трудоёмкие работы завершились, и

Сесиль похвасталась своим успехом, что несколько лавок с удовольствием отправят к нам коробейников с выпечкой и напитками!

И вот на этом самом моменте появилось то самое неприятное чувство, что как-то слишком всё идеально складывается. Прямо как по маслу скользит.

Оборачиваюсь и вижу нашего лютото конкурента Алмазова.

Его и Остап знает, причём не с самой лучшей стороны, оказалось, этот фланг, возомнивший себя «королём цирка» и у нашего нового компаньона переманил каких-то интересных артистов. Предпочитая не вкладываться в развитие, а покупать уже готовых людей и их номера.

— Ба! Какие люди! Сама Адель! И как хороша! Уже не ведьма ли вы, сударыня, после такого падения и недели не прошло, а вы уже порхаете, и какая прекрасная. Оставьте этих безнадежных. Я предлагаю тебе восхитительный контракт...

— И вам доброго вечера, я с недавнего времени стала кем-то вроде вас в нашем цирке, директором. Так что увы вам, свой личный проект оставить не могу и не хочу. Мне, видите ли, нравится доводить дело от идеи до результата, труппа у меня собралась очень творческая, друг друга не подсиживают и не обворовывают, как Рыковы, коих вы к себе забрали, так что рекомендую оглядываться, с такими артистами врагов не надо иметь, быстро продадут.

Эдуард поморщился, я перестаралась с подколом, но он и

сам понимает, что у него люди не по душевному наитию, а из жадности. Но Алмазов сохранил мину при плохой игре и снова улыбнулся:

— Жаль, очень жаль. Рыковых я не взял, о них плохая слава ходит. Но предлагаю пари!

— Ой, нет! Я не азартная! И вы в прошлую нашу встречу объявили о своей победе, вот и успокойтесь на этом, — чувствую, что громкая перепалка привлекает внимание всех, кто сейчас на площади.

Наш вечный конкурент Алмазов забыл, что на его руке висит нуарная брюнетка, буквально висит, потому что в таком узком чёрном платье, расшитом стеклярусом, и неудобных туфлях ходить весьма сложно, особенно по мостовой. Но она стойко держится, даже умудряется курить через длиннющий мундштук, пуская сизые кольца дыма.

Алмазов её взял в труппу для предателя Капризова – новая дама для распиливания.

Почему-то я сразу догадалась о незавидной роли брюнетки, а с собой её привёл, чтобы поддеть. Наивный, нашёл чем удивить, у меня к нему кроме отвращения и чувств-то нет. Только одна мысль, как поскорее выставить незваных гостей, но они стоят, рассматривают нас и пытаются посеять неуверенность, мол, мы для них не соперники, ну да, конечно!

Да только всё получилось с точностью, наоборот, ведь рядом со мной стоит неотразимый, шикарный Гриша, с идеальной стрижкой, и такими же идеальными усами. Несчаст-

ная жертва фокусника Капризова впилась взглядом в моего жениха, как комар в попу дачника, даже дымить забыла.

Самое сложное в этой ситуации, не рассмеяться в голос. Потому что перевес явно на нашей стороне. И я даю финальный аккорд:

— Всего доброго господа, спасибо, что навестили! И удачи вам девушка в коробке фокусника Капризова, ведь прошлую даму он таки распилил, а собрать не смог, вот мой дядя и увёз две половинки в Европу к докторам немецким, сшивать...

Я не успела договорить, как над нашей площадью раскатистой волной расплескался дружный гогот. Девушка вздрогнула, умоляюще посмотрела на Эдуарда, и тот тоже улыбнулся, оценив мою злую шутку, развернулся и пошёл к коляске с открытым верхом, крепко держа брюнетку, они её точно запилят ещё до выступления. А мы не можем успокоиться.

В первом раунде, победа за нами...

Глава 12. Баронесса?

После установки шатра мне пришлось сделать непредвзятое расписание репетиций, чтобы распределить время и никого не обидеть. Да и такие тонкости тоже оказались очень важными. Но, кажется, что у меня получилось. Все остались довольные. Сегодня у нас запланирован очень насыщенный день, все точно знают, в какое время у них отработка номера, и потому спокойно занимаются своими делами.

Все кроме меня и Остапа, мы, как и шатёр, заняты творческой работой под завязку, обязаны просматривать чуть не все номера в отдельности на манеже. Особенно много времени заняли три обновлённые репризы, предсказуемо, номера Захара, и новые дуэты Пе-Пе и Сесиль, Лола и Василь.

Больше всего забот с Захаром. Очень талантливый парень, но Остапу пришлось его муштровать, как выйти, как встать, чтобы все зрители видели, как кланяться, как делать круг по арене. И по самому номеру много нареканий.

— И что не выпускать его? — с тревогой в голосе спрашиваю более опытного коллегу.

— Почему же, конечно, выпускать. Многие новенькие гораздо хуже схватывают, этот просто вундеркинд, с третьей попытки всё верно сделал. Справится. Но промуштруем его ещё вечером.

Вздыхаю, похоже, что Гриша может быть спокоен за мою

безопасность, я не то, что с цирковой площади, а даже из шатра не успеваю выйти, мне обед уж сюда подали добрые люди Пе-Пе и Сесиль.

А репетиции продолжаются.

К вечеру настал мой шанс опозориться. Это Захар у нас вундеркинд, а я вообще ничего в трюках не понимаю. И Гриша решил меня попробовать в качестве своей «гири».

Вспоминаю, как смотрела номера чирлидерш и танцы с поддержками, и фигурное катание, всё это красиво, но я так не смогу.

— Готова? — Гриша вышел в обычной одежде, но накрутил тугой атласный пояс, подчёркивающий его узкую талию, и ширину плеч, на которых мне сейчас придётся, как минимум сидеть, как максимум — стоять.

— Не очень, если честно! Ты работай, как сам считаешь нужным, а я постараюсь улыбаться и не киснуть как тесто.

— Ну, что же, давай попробуем так.

Гриша сосредоточен, спокоен и уверен, а я нет.

Жуть как страшно. Но рядом встали Остап и Пе-Пе, готовые ловить меня, если не удержусь. И на моём поясе пока страховочный трос. На такой небольшой высоте, совершенно бесполезен, но в большей степени это психологический фактор. Однако единственный в кого я сейчас верю — Гриша.

Он сам скорее упадёт, но меня поймает или под меня рухнет, лишь бы я не упала на манеж, застеленный свежими опилками и покрытый очень плотной красной тканью. До-

вольно мягко, но испытывать не хочется.

Первый наш «Ап», получился очень даже ничего себе. Гриша меня держит за талию и подкидывает вверх, я делаю взмах руками и понимаю, что тело само помнит, как держать спину, голову, кисти рук так, чтобы смотрелось эстетично, и рот сам растянулся в обворожительную улыбку.

Отключаю голову и отдаюсь на волю силача.

Через полчаса тренировок я уже поняла, как стоять на широких плечах Гриши, как реагировать на его короткие команды типа: «и-и-ап, и, ух, ещё»

Но действительно сложные элементы мы делать не решились из-за ноги.

— Слушай, мы можем сделать поддержку ласточку, и как в фигурном актинии, я подкидываешь меня и ловишь рукой под низ живота, ноги вытягиваю, руки в стороны, и ты делаешь несколько оборотов, и нужно мне в этот момент юбку отпустить, чтобы она как прозрачный, красивый флаг развивалась.

— Не совсем понял, про фигурное катание и про флаг. Но вот ласточку давай, попробуем. Подкидываю тебя, поворачиваюсь и осторожно подхватываю тебя рукой на живот, ты напрягаешь его, как только можешь и в спине изгиб, давай начнём без броска, а потом с броском. Держи спину и живот! И, ап!

И мы попробовали. Со второго раза получилось очень неплохо. Всё же тренированное тело Адель мгновенно реа-

гирует на идеи.

— Очень красиво, простенько, не хватает изюминки в гимнастической составляющей, но учитывая ранение ноги, даже этот вариант шикарно смотрится. Григорию придётся свой личный номер усложнить, чтобы зрители не пожалели потраченных копеек, — вот так подытожил наше короткое выступление Остап.

— А если мне взять какой-то красивый реквизит. Ленты или ещё лучше кусок очень длинный прозрачной ткани. Гриша меня будет кружить, а вокруг нас будет длинная такая лента, как змея извиваться, я такое смогу, и это будет эффектно. Только надо найти ткань или широкую атласную ленту.

— А это шикарная идея! Очень эффектно, я такое раз видел, у Сесиль есть запас лент, сходи, мы пока силовую часть номера проверим. А кстати, палочка – рукоятка от старого веера канатоходца, скажи ей, она поймёт. Несите гвозди, молоток, сейчас сделаем вам реквизит.

Остап быстро сообразил, что к чему в идее с лентой, и отпустил меня, а сам пока занялись просмотром и проработкой сложности второй части номера Григория.

На манеже я чувствовала себя неестественно, казалось, что это место не моё, эффект самозванки не даёт покоя. Вышла на свежий воздух и вздохнула с облегчением. Надо же, какой это стресс, а ведь в шатре и людей-то не было. Не только Захару страх сцены придётся преодолевать, но и мне.

— Ужас, ужасный! Как всё это преодолеть и не сбежать...

Ворчу себе под нос и неспешно иду к фургону Сесиль.

Даже не обратила внимание, что на площади как-то удивительно пусто, почти никого и нет. Кто-то в таверне, кто-то по лавкам столицы разбрелись все, и я осталась одна.

Похоже, именно этого момента дожидался высокий незнакомец в дорогом, клетчатом сюртуке, тонких очках с золотой оправой и котелке на английский манер.

Он не похож на гопника, способного ударить или похитить беззащитную женщину, скорее, на адвоката. Удивительно, как они быстро меня нашли.

И второе о чём я подумала, что сегодня же уеду на своём фургоне, или переселюсь в гостиницу...

— Сударыня, не спешите, я лишь юрист вашего покойного батюшки.

— Вот как? Мне кажется, что это всё лишнее и глупое недоразумение, мы уже изрядно пострадали от этого дела, прошу вас, позвольте мне жить свою жизнь. Могу подписать

отказ...

— Очень странно, мы впервые встречаемся лично, но наша активная переписка заставила меня думать совершенно обратное. Вы же были готовы получить всё. И ваш сводный брат, некровный родственник вашего отца. Только вы и ваша тётя Агнес, являетесь единственными наследницами. Но увы, ваш покойный барон не вписал её имени, она будет полностью зависеть от вас материально. Да уже зависит и ждёт, когда вы вступите в права и позаботитесь о ней. Я же вам объяснял, что это дело решённое, вы по закону не смеее отказываться, такой практики в принципе нет.

В моей голове вспышками загораются какие-то воспоминания. Но они не так важны, брат сводный, неродной. И я единственная кровная, но ведь незаконнорождённая.

— Извините, но мы с моим женихом решили, что безопаснее не ввязываться в эту авантюру. Как зовут моего, так называемого...

— А вы точно Адель? Я не ошибся? — юрист смутился и перебил.

— Я несколько дней назад упала, ударилась головой и потеряла память. Видимо, мозги встали как надо, и я поняла своё место в этом мире. Передайте, так называемому, брату и тёте, что я вне игры, пусть они оставят меня в покое.

— Но он готов на вас жениться. Это очень выгодное предложение, его титул и положение в обществе, ваше богатство и красота, идеальное сочетание для девушки. Повторю, по

закону вы не смеете отказаться от наследства, это последняя воля вашего отца, понимаете? Последняя! Это священный долг детей, исполнять последнюю волю, он вас не в паломничество босоногой отправил, а в богатую жизнь.

Мой рот открылся от удивления, глаза округлились, а в сознании вскипела та правда, какую до этого момента я не могла понять.

Адель реально любила Гришу, но он ей не пара. И закон она знала, что ей не отказаться от наследства. Чувствовала себя загнанной в угол, понимала, что выйти замуж за сводного брата – считать подписать себе смертный приговор, он её изведёт, чтобы захватить деньги. Потому и селёдочник-женых.

— Вот чёрт! — сорвалось с моих уст. — А завещание когда в силу вступит? У меня время есть?

— Время на что? На очередные ошибки? Мы же договаривались в переписке, что вы приедете в столицу, что вступите в необходимый срок в права. А сейчас что случилось? Жених? Забудьте эти глупости, знатные люди не принадлежат себе.

— Хорошо, оставим поэтику, пройдемся по фактам, — я вдруг собралась, это не первая патовая ситуация в моей жизни. Главное — эмоции замести под сукно, они только мешают, никогда не бывает так, чтобы нельзя было применить поговорку про закон-дышло. — Итак, допустим, я незаконнорождённая дочь барона, даже фамилию не помню его.

Юрист криво улыбнулся.

— Барон Андре Фёдорович фон Ливен.

— Понятно, однако, есть ли какие-то сроки? Завещание уже вскрыли? Когда крайний срок вступления в права? И мы с тётей в доли вступаем?

— Если вы не помните имени отца, значит, и моё имя не помните?

Киваю.

— Алексей Максимович Мазур, юрист вашего почтенного семейства. Так вот, по вашим вопросам, завещание уже огласили, вступить в права можете хоть сейчас, но через месяц этот процесс станет необратимым фактом. Все дела, налоги, финансовые обязательства, всё станет вашей ответственностью. Понимаете, о чём я сейчас пытаюсь вам сказать.

— Догадываюсь, но с трудом.

— Вы становитесь юридически ответственной, сбежите, хорошо, выйдите замуж за нищего циркача – прекрасно, но через пять месяцев отчёт по акциям, плюс налог на земли и фабрику, без ваших подписей мы ничего сделать не сможем. И вас найдут уже как должницу казне, это не шутки, пора повзрослеть, сударыня.

— Благодарю вас за развёрнутую лекцию. Полагаю, что вы адвокат семьи и мои интересы вас волнуют меньше всего. Но мне нужно подумать, скажите адрес...

— Большой Третьяковский проезд, строение пять. Там наша контора.

— Ещё один вопрос, а вот тот случай, когда мой брат нанял насильников, и они меня похитили, вам не кажется странным, что я выйду замуж за такого подлеца? Это ведь не Алмазов, а братец, он узнал, о моём существовании и что я конкурентка за большое наследство, ведь так?

Алексей Максимович покраснел, видно, что я его достала своим упрямством.

— Причастность Кирилла Борисовича к вашей трагедии не доказано, даже его имя не упоминалось, я знаю это дело как свои пять пальцев, вы наняли адвоката спасти силача. Но повторяюсь, это были молодчики, нанятые каким-то из ваших конкурентов, личная месть за что-то. Не усложняйте ситуацию. И не вздумайте ещё где-то сказать вслух подобную ересь, Кирилл Борисович человек строгих правил, он на подлости неспособен.

— Последний вопрос и я пойду думать, сами понимаете, мне трудно принять взвешенное решение.

— У вас нет выбора.

— Выбор есть всегда. Вот что я хотела спросить, как вы узнали, что я именно здесь? За мной кто-то следит.

— Обижаете, я юрист, мы договаривались о встрече, и кроме всего прочего в заявке от цирка указана ваше имя, мне просто донесли верные информаторы. Надеюсь, что вы не вынудите нас действовать более жёстко в интересах семьи, ваша тётя стара и нуждается в вас.

— Я, наверное, тоже в них нуждалась, пока росла без ма-

тери в цирке, как дикая трава, а сейчас вдруг понадобилась, чтобы меня сделать крайней в делах, о которых я и понятия не имею. Да, я не дура, как вам может показаться, и сначала во всём разберусь, всего хорошего!

— Адель Андреевна, советую не делать глупости.

— Глупость сделал мой отец, что связался с женщиной из цирка, вторая его глупость, что он решил меня признать, почему-то. Не забрать, когда я была маленькой осиротевшей девочкой, не нанять гувернанток и не обеспечить будущее. Он предпочёл жениться на другой, и воспитывать неродного сына. А теперь я понадобилась, чтобы заткнуть моим именем какие-то дыры в бумагах? Алмазов как-то сказал, что циркачей даже на общих кладбищах не хоронят, мы для вас падшие. И так называемому сводному брату не престало жениться на такой женщине. Так что, глупости в этой ситуации делаю не я! Всего хорошего, проконсультируюсь по законодательству и найду выход из сложившейся ситуации. Приду, как позволит время.

— Я лучший в этих вопросах. У вас нет выбора и лучше не затягивать. Скоро ваш настоящий законный жених приедет за вами сам.

Махаю рукой, потому что надоело его слушать, и иду к себе. Мне сейчас не до лент, не до номеров. Надо успокоиться и как следует подумать, и перечитать все документы, что найдутся в фургоне.

Юрист чуть не с пеной у рта доказывал, что к нападению

братец не имел ни малейшего отношения. Но я ведь видела эти картинки в памяти Адель, и чёткие слова, что я пожалею ещё больше, если хотя бы на шаг приближусь к почтенному семейству. Нет, они все что-то мутят. Пора разобраться с этой махинацией. Ведь явно расчёт на то, что я цирковая дурочка.

Вот они удивятся, когда я начну их по каждой строчке и закона и завещания трясти, как грушу. А я начну. Только где взять денег на нормального адвоката, вот вопрос на миллион.

И ответ только один: «Я должна узлом завязаться на манеже, но победить в этом конкурсе и выиграть приз! Тогда Гриша сможет остаться в столице, а я найму адвокатов».

Глава 13. Водоворот событий

Ненавижу, когда меня назначают крайней. А вселенная словно решила проработать именно эту кармическую задачу, воткнув душу в проблемное тело. В цирке – ответственная за всё, потому что шатёр на мне числится и моё имя в графе владелицы, что тоже странно, ведь был какой-то подлый трус кот Леопольд, так называемый дядя.

А теперь ещё и нешуточные проблемы с наследством.

К счастью, на площади никого, и наш разговор с юристом коллеги не слышали, надеюсь. Забежала к себе и закрылась. Осматриваю фургон, вандалы Рыковы перетряхнули всё, но Адель была хитрой чертовкой. Она должна была спрятать самое важное так, что ни один мужик бы не догадался, где искать. На виду только последняя бумага, что мне предъявил Гриша, о признании меня баронессой фон Ливен. В бумаге нет ничего особенного, типичная справка, и, кстати, имя барона указано. И моё имя теперь – баронесса Адель Андреевна фон Ливен, официально признанная покойным отцом наследница.

Нашлись документы на цирк, впервые их дотошно прочитала, оказалось, что хозяин и создатель – мой дед по материнской линии, он передал права моей матери Поповой Виолетте Васильевне. А Леопольд, на самом деле Леонид Гордеевич Сидоров, двоюродный племянник Василия Степано-

вича, и после смерти Виолетты взял на себя руководство и опеку над Адель. Примерно прикинула в уме даты, и получилось, что мама Адель умерла, когда девочке было лет десять-одиннадцать.

Законов не знаю, но, кажется, поняла в чём заковыка!

Отец Адель тянул не потому, что не хотел её забрать, а потому что она незаконнорождённая, и уже сирота, всё слишком туманно и скользко, но закон о посмертном праве, всё упрощает. Воля покойного — закон для общества, раз на смертном одре Андрей фон Ливен сказал, что Адель его дочь, значит, так и есть, и противиться этому факту никто не посмеет. Вполне возможно, что он связывался и даже как-то общался с девушкой, ведь даже Гриша упоминал, что она ездила в поместье, и общалась со стряпчим. И всё было бы шикарно, как бочка мёда, но никто не учёл паршивого гадёныша Кирилла, на людях он паинька, а при встрече с Адель, похоже, показал всю свою мерзотную суть.

Но это лишь домыслы. В памяти реальных событий, кроме нападения нет, даже лица не могу припомнить «брatца». Новых доказательств тоже не нашлось.

Перевернув все документы в небольшом ящичке гримёрного столика, я решила отстаивать своё право на свободу. И первое, что сейчас надо сделать, — это взять у Сесиль ленту и пойти репетировать с Гришей.

— Я переверну все камни, сделаю всё, что от меня зависит, а там посмотрим.

С такой установкой захожу к Сесиль, она только что вернулась с рынка с покупками. Внимательно выслушала идею с лентой и быстро отреагировала на мою просьбу. Через несколько минут у меня в руке оказались ленты, ручка от старого веера, небольшой молоток и гвоздики.

— У тебя не фургон, а кладёзь полезных вещей! Спасибо огромное!

— Это всё опыт, столько лет в цирке...

— А вот скажи мне, пожалуйста, если бы тебе предложили сытую, богатую жизнь, но с нелюбимым, зато без всего этого, ты бы ушла?

Я думала, что она ответит быстро, но Сесиль вдруг задумалась. Хмыкнула и ответила в своём философском стиле.

— В твоём возрасте, несомненно, ушла бы, сейчас даже не знаю. Я привыкла жить такой жизнью, потом нагрянет старость, и как мне будет непросто, даже представить не могу. Одна надежда, на товарищей. И на то, что Бог приберёт меня раньше, чем я превращусь в труху.

М, да поддержала, а ведь казалась оптимисткой. Вздыхаю и иду в шатёр, с установкой молчать про неприятности. Про разговор с юристом и вообще про свои планы. Нам надо денег заработать, а потом уже посмотрим.

— Вот лента.

Протягиваю Остапу всё, что получила от Сесиль, и он тут же начинает мастерить мне реквизит.

— Адель, что случилось? На тебе лица нет! Кто-то оби-

дел? Подёнщики или городские?

Вздрагиваю, словно пойманная с поличным. Это надо, какой Гриша проницательный. Я что-то расклеилась, хочется сесть к нему на колени, позволить ему обнять себя и порыдать над непростой ситуацией. Но я натягиваю улыбку на лицо, как маску клоуна и отвечаю слишком уж заодно:

— Осознала ответственность и теперь переживаю за выступление. Мы же открываем сезон?

— Да, скоро первое представление, но если не хочешь поддержку делать, то не будем.

— Я хочу победить! Для нас всех это жизненно важно.

Остап хмыкнул и поддержал:

— Вот, такой подход мне нравится, так держать! Победим, Федора не ошибается!

В этот момент меня осенила очередная гениальная идея, ведь точно, наша Федора очень мудрая, надо у неё совет спросить насчёт всего. Даже отпустило немного, перестала нервничать.

Смотрим с Гришей, как ловко Остап мастерит новый реквизит, алую ленту на удобной рукоятке с петлёй для руки. Не слетит и не потеряется во время выступления.

— Мадемуазель Адель, прошу. Покажите нам красивую композицию с лентой.

Я сразу начала тренироваться. И получилось очень эффективно. И волны, и кольца, я словно всю жизнь с лентой провела. Не я, а Адель, это заслуга её многолетних тренировок.

Гриша понял идею, снова поднял меня в поддержке и закружил не так быстро, как в прошлый раз, но достаточно, чтобы длинная лента сделала красивые линии вокруг нас.

— Если бы к этому номеру добавить эффектное освещение, получилось бы феерично. Зрителю не обязательно сложные номера, достаточно, чтобы было красиво.

— Освещение будет! Не беспокойся! — подбодрил Остап, но он не понимает, что я имею в виду совершенно другой уровень сценического света. К сожалению, у нас только масляные, довольно тусклые прожекторы.

Репетиции продолжились уже без меня.

Весь вечер я провела в своём фургоне, выбирая наряд для выступления, потом с Гришей оценили, как наши костюмы смотрятся в паре. Показалось, что вполне достойно и гармонично. Миниатюрная блондинка и внушительных размеров силач со жгучей красотой южанина. Мы настолько контрастные, что ещё более усиливаем эффект восприятия. Он со мной на руках, кажется, ещё больше, я в его объятиях — ещё меньше.

И это очень красиво.

— С лентой ты очень здорово придумала. Я тебя подброшу вверх, а ты сразу начинай крутить алые волны. И через левое плечо начну вращение. Запомнила?

— Да, запомнила. А скажи мне, раньше я говорила что-то о том, что хочу оставить цирк? Что мечтаю об обычной жизни?

— С чего такие вопросы?

Он так взглянул, что я испугалась, а не умеет ли он читать мысли.

— Да всё та бумажка из головы не идёт. Чувствую, что мне придётся нанимать адвоката и доказывать, что я не баронесса, и моё место здесь с тобой.

Мы надолго замолчали, видать, Гриша знает чуть больше и не хочет меня расстраивать. А мне уже и так всё понятно.

Ночь выдалась тревожная, я всё ждала, что примчится «братец» и силой меня заберёт. Но примчались какие-то собаки и попытались покусать лошадей или ослика, такой переполох начался, что хоть уши затыкай. Кое-как прогнали хвостатую банду и только под утро задремали.

А утро началось с дождя.

Настроение окончательно скисло. С другой стороны, если народа соберётся не так много, то мы первым выступлением не слишком опозоримся. Точнее, я и Захар, остальным, похоже, позор не грозит – все профессионалы, и это не первый для них старт столичного сезона гастролей.

После лёгкого завтрака я махнула рукой на обстоятельства, и тут же выглянуло солнышко, ветерок разогнал тучи, и мы слышали бравый голос Остапа, раздающего приказы направо и налево:

— Эй! Вот здесь флажки в коробе, надо бы развесить по периметру. Билетную будку пора выкатывать на вход. Федора скоро займёт своё рабочее место, она у нас знатная биле-

тёрша. Новые номера еще раз прогнать на манеже. Друзья, за работу!

И мы все окунулись в суету предпремьерной подготовки!

К сожалению, я и в этот раз с Федорой не пересеклась, поговорить не удалось, но зато забыла о своих проблемах, увлеклась работой.

За час до представления появились коробейники, и много, Остапу пришлось выгонять музыкантов на улицу раньше времени, и начать праздничную суету. Пе-Пе и Сесиль жонглируют под музыку и танцуют, Захар с ослом прошёлся по площади, заставляя ушастика Жако кивать и приветствовать первых гостей.

Музыка и весёлая тусовка внезапно сделали своё дело. На задорный шум народ с трёх улиц начал подтягиваться к нашему цирку.

— У нас аншлаг! — прошептал Гриша и так улыбнулся, что у меня мурашки пробежали по спине, это не про романтику, это его заразительный кайф от выступления, ему нравится то, чем он занимается! И неожиданно его уверенность и ожидание чуда передалось мне.

Но я жду не начала представления, а следующего шага с очередной пакостью от Алмазова или от Кирилла Борисовича. Они ни за что не пропустят удобный шанс испортить нам старт.

Перед самым началом представления на площади уже не протолкнуться, Остап звучно так, как умеет только он, крик-

нул почтеннейшей публике, что пора занимать свои места в шатре, и волнение усилилось многократно.

Я не слишком зациклена на начале, первым выйдет к публике Пе-Пе, потом к нему присоединится Лола с дрессированными голубями, потом Захар с первым выходом...

Накинула халат, ленту взяла с собой и решила выйти из фургона, чтобы из-за кулис смотреть, как идёт представление. А ведь не хотела, боялась, что страху на себя нагоню...

Мой фургон стоит одним из самых последних, дальше от шатра, чтобы публика не беспокоила. Пройти всего несколько метров.

Из шатра доносятся звуки музыки, потом дружный хохот и аплодисменты. Это Захар «рвёт» зал, от испуга забыл половину своих слов и начал шпарить от себя, и не всегда пристойно, а публика воем от смеха. Говорящий осёл, как попугай боцмана – ему многое прощается.

Только бы жалобу не написали, за скользкие шуточки.

— Ах! Вот ты где, моя прекрасная невеста! Не так мы начали знакомство в поместье, и я как мужчина, прошу у тебя прощения. И позволь в знак любви и почтения к твоей красоте подарить это кольцо. Оно меркнет от твоей красоты.

Поворачиваюсь на голос и вижу перед собой мужчину, невероятно похожего на моего мужа Мишу, такой же красавец, но утончённый, до габаритов Гриши ему далеко, да и не нужно. Светловолосый, холёный, и надменный, английский аристократ, даже одет соответствующе. Единственное, что отталкивает – ледяной взгляд светлых глаз.

Он понимает, что хорош собой, и уверен в том, что я сейчас заскулю от восторга, потому что Кирилл сделал шаг навстречу, и открыл бархатный футляр, показав мне неслыханное богатство, кольцо с прекрасными изумрудами, ценой сопоставимой с ценой нашего цирка.

Глава 14. Невиданное шоу

Незнакомец опомнился и улыбнулся, очень старается произвести впечатление. Но ему очень далеко до Гриши, по части приятности, лучше бы уж и не улыбался.

Осторожно делаю шаг назад и задаю глупый вопрос:

— А вы, собственно, кто? — я, конечно же, догадалась, но прикинуться забывчивой дурочкой порой гораздо выгоднее, чем строить из себя умную.

— Так это правда? Алексей Максимович мне сказал о твоём здоровье, так может быть это к лучшему? Начнём с чистого листа. Но при одном условии.

И как в танце делает шаг навстречу, а я мгновенно отступаю, примеряясь к траектории побега с больной ногой.

— Остановитесь, я ничего не хочу начинать, и условия мне неинтересны. Мне нужно на манеж, выступление через несколько минут. Прощайте!

— Вот это и есть условие, ты не смеешь нарушать последнюю просьбу отца, он распорядился, чтобы мы поженились, а ты оставила это пошлое заведение. С этой минуты, Вы баронесса фон Ливен, и не имеете права позорить честь нашей семьи.

Улыбка с «ясного лика» братца слетела мигом, ему уже нет нужды притворяться, к ледяному взгляду добавилась металлическая интонация, и он вмиг потерял свою привлека-

тельность, словно смысл грим доброго человека. Но меня такими выпадами не напугать:

— Сударь, вы не поняли, я не собираюсь за вас замуж. И это кольцо оставьте при себе.

— Оно твоё! И таких безделушек у нас будет полно, тебе лишь нужно сделать шаг навстречу и выбрать правильного мужа — меня. Я даже позволю тебе остаться на бумаге владелицей цирка, если он доходный, то почему нет! Милая, мы пара, и это предрешиено судьбой, — опомнился, снова натянул маску приятного обольстителя, его дьявольски соблазнительный голос действует на меня как-то странно. Гипноз? Он что-то со мной делает?

Отшатываюсь от «Его настойчивости», но Кирилл готов к моему побегу, хватает за широкий рукав халата и тянет на себя, а я, не скрывая намерений, пытаюсь вырваться и сбежать. И он, и я прекрасно понимаем, что кричать сейчас нельзя, слишком много людей в шатре, и «жених» этим пользуется.

А я пользуюсь тренированным телом Адель. Пинаю его здоровой ногой, вырываюсь, халат трещит, и единственное, что я вдруг «выкинула» для своего спасения, это сальто, эффект неожиданности сработал, а моя нога снова напомнила о себе болью.

Не заметила, что выронила ленту, хромая бегу к шатру, а Кирилл за мной:

— Адель, ты не посмеешь! Не позорь семью! Ты всё рав-

но уже моя! Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, я твоего любовника упеку на каторгу лет на сто! И виновата в этом будешь ты!

— Я уже опозорена, вы опоздали лет на десять! И не тронь невиновных людей, это наши с тобой разборки! — крикнула и забежала в полумрак шатра. Кое-как отдышалась, скинула халат и обнаружила пропажу ленты.

И как теперь выступать-то?

— Адель, наш выход! Ты как?

— Оступилась, нога болит. Просто покидай меня красиво, как в первый раз, прости!

Гриша молча взял меня на руки и вынес на манеж. Зал замер, не самые яркие прожекторы с четырёх сторон высветили нас, и по залу прошелестел шёпот восхищения.

Мы великолепны, но самое ужасное, что Кирилл возник из темноты и стоит у манежа, просверливая нас взглядом с такой ненавистью, что я дышать не могу. Накатила волна паники, боль в ноге, страх перед публикой и за Гришу, гад же-них его не пощадит, особенно после этого номера.

Заиграла музыка, и силач очень осторожно подкинул меня слишком высоко, так высоко, что показалось, цирк исчез и я оказалась среди огромных, клубящихся облаков. Вокруг летают чудесные птицы и какие-то светляки, они вспыхивают и гаснут, летя, как звёздный дождь в темноту зала.

— Ах! — послышалось со всех сторон.

Это не только я вижу?

Что происходит? Кто это устроил?

— Я! Я твой ангел-хранитель! Не бойся! — прошептала маленькая девочка-призрак и толкнула меня, теперь уже в морскую пучину с невиданными рыбами, коралловыми рифами и солнечными бликами на поверхности воды.

Умерла я, или от страха сознание потеряла, разум окончательно потерял ориентиры. Холод окутал, и в моём сознании прозвучал незнакомый мужской голос: «Умоляю, здесь в зале есть Оленька Ложкина, позволь сказать ей кое-что через тебя, вызови, вызови её!»

— Есть в зале Оленька Ложкина? Выйди на манеж! — громко зову незнакомку, и рада бы молчать, но не могу, тело меня не слушается, я игрушка в потрясающем шоу, устроенном призраками.

Из темноты зала раздался тоненький напуганный голосок.
«Я тут! Выходить?»

— Выйди на манеж! — повторяю и сразу называю следующее имя, и ещё кого-то. Светляки шепчут мне имена своих близких, заставляя вызывать их на манеж, морскую иллюзию видят все. Это какой-то массовый гипноз, и создаю его я с помощью той самой девочки, что преследует меня, который день.

Вдруг сознание прояснилось, чувствую, что никуда не лечу, это Гриша продолжает держать меня как горящий факел на вытянутых руках, а я всё называю и называю имена зрителей...

И последнее имя: «Кирилл Борисович Чернов, выйдите!»
Вижу призрака, вызывающего на манеж моего врага, злоущий, пожилой мужчина, ничего хорошего этот разговор не сулит, особенно мне. Кажется, объявился настоящий барон фон Ливен, мамочки...

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.